

Профессор А. П. СКАФТЫМОВ

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

САРАТОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1939 г.

К 50-ой годовщине
со дня смерти
Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО
1889—1939

Саратовское областное государственное издательство. 1939 г.

Ответ. редактор Ш. Д. Эпштейн.

Уполномоченный Обллита А-436

Техн. редактор И. Ф. Фомин.

Корректор Л. Ф. Маранова.

Сдано в набор 29/VI-39 г. Подписано к печати 27/VII-39 г. Инч. Эк-зв.
Издат. № 52. Тираж 16.500. Учетн.-изд. л. 5,1. Печат. л. 6¹/₄. Бумага 54×70¹/₁₆
Бум. лист. 3¹/₄. Знаков в бум. л. 58550. Цена 1 р. 35 к. Переплет 1 р. 20 к.

Саратов. Типография изд-ва „Коммунист“, Ленинская, 94. Заказ 2355.

I

29 октября 1939 года исполняется пятьдесят лет со дня смерти Николая Гавриловича Чернышевского — идейного вождя революционной демократии, лучшего представителя революционной мысли 60-х годов, непримиримого врага крепостничества, самоотверженного защитника интересов крестьянства, борца за полное экономическое и политическое освобождение трудящихся.

Под руководством коммунистической партии и ее гениальных вождей Ленина и Сталина в нашей великой стране осуществлена победа социализма, уничтожены эксплуататорские классы, устранены причины, порождающие угнетение человека человеком.

Советский Союз вступил в новую полосу своего развития, в полосу завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму.

Великими победами социалистического строительства обеспечена счастливая, творческая жизнь для всего 170-миллионного советского народа.

Имя Чернышевского стоит в ряду наиболее чтимых советским народом мужественных революционеров, расшатывавших старый крепостнический строй, приближавших момент его окончательной гибели и подготавливавших успехи нашей социалистической революции.

Свободная, крепко спаянная морально-политическим единством братская семья народов СССР, строящая под руководством партии Ленина—Сталина коммунистическое общество, с любовью вспоминает великого революционера и демократа, который в тяжелые годы борьбы с царизмом и крепостничеством вслед за Радищевым, декабристами и

Герценом еще выше поднял «знамя вольности святой» и расплатился за это тюрьмой и двадцатилетней ссылкой.

Деятельность Чернышевского протекала в обстановке ожесточенной классовой борьбы, развертывавшейся в России в середине XIX века.

Под воздействием роста производительных сил страны и развития товарно-денежных капиталистических отношений разламывался старый феодально-крепостнический строй.

Поражение царской армии в Крымской войне с полной очевидностью обнажило гнилость и негодность крепостнических порядков, насильственно удерживаемых полицейскими тисками самодержавия.

Из года в год множились крестьянские восстания. В годы Крымской войны разорение крестьянства достигло крайних пределов. Среди крестьянства все сильнее поднималось требование «воли», т. е. уничтожения крепостничества и передачи земли крестьянам.

На Западе оживлялось демократическое движение. Развертывалась национально-освободительная борьба в Италии, усиливалось движение пролетариата во Франции, Англии и Германии.

Нарастала революционная ситуация и в России.

Боясь восстания масс, русское самодержавие вынуждено было приступить к реформам, предназначенным в конечном счете к тому, чтобы, сохраняя самодержавие, обеспечить возможность новых капиталистических форм эксплуатации трудящихся и отодвинуть угрозу революции. Под видом «освобождения» для крестьян готовился новый грабительский обман.

Эксплуататоры, крепостники и либералы, несмотря на некоторые разногласия внутри своих группировок, составляли собою общий фронт, направленный против крестьянства. «Пресловутая борьба крепостников и либералов, — писал по этому поводу В. И. Ленин, — столь раздутая и разукрашенная нашими либеральными и либерально-народническими историками, была борьбой внутри господствующих классов, большей частью внутри по-

мещиков, борьбой исключительно из-за меры и формы уступок. Либералы так же, как и крепостники, стояли на почве признания собственности и власти помещиков, осуждая с негодованием всякие революционные мысли об уничтожении этой собственности, о полном свержении этой власти» (В. И. Ленин. «Крестьянская реформа» и пролетарско-крестьянская революция». Собр. соч., т. XV, стр. 143).

В защиту интересов бесправного крепостного крестьянства, поднимавшегося на революционную борьбу против помещичьего гнета и самодержавия, выступила немногочисленная группа революционеров, во главе которых стоял Н. Г. Чернышевский.

Чернышевский разоблачал ложь царских «освободителей» и доказывал, что от помещичьих проектов ничего хорошего для крестьянства ждать нельзя, что реформа готовит народу новую кабалу, что либеральная фразеология об «освобожденном» и «счастливом» народе является простой болтовней. Чернышевский ясно видел, что готовившаяся реформа могла служить только интересам господствующих классов. «Крестьянскую реформу» 61-го года, которую либералы сначала подкрашивали, а потом даже прославляли, он назвал мерзостью, ибо он ясно видел ее крепостнический характер, ясно видел, что крестьян обдирают гг. либеральные освободители, как липку. Либералов 60-х годов Чернышевский назвал «болтунами, хвастунами и дурачьем», ибо он ясно видел их боязнь перед революцией, их бесхарактерность и холопство перед властью имущими» (В. И. Ленин. Собр. соч., изд. 3-е, т. XV, стр. 144).

Чернышевский разрушал крепостничество в самых различных областях его идеологических проявлений: в философии, в политической экономии, в искусстве, в художественной литературе, в литературной критике, в морали и пр. Чернышевский не поднялся до уровня научного мировоззрения Маркса; но его мировоззрение отвечало уровню революционной борьбы в российских условиях того времени и развивалось в том передовом направлении, какое в дальнейшем росте привело к марксизму. В. И. Ленин назы-

вае Чернышевского «великим русским социалистом до-марковского периода» и «предшественником русской социал-демократии» (В. И. Ленин, т. XXV, стр. 212 и т. IV, стр. 380).

II

Николай Гаврилович Чернышевский родился 12 июля 1828 года в семье саратовского священника.

Этот слой духовенства не принадлежал к привилегированным сословиям и по своему экономическому и юридическому состоянию, а также и по всему бытовому укладу жизни, сливался с разночинством.

Разночинная интеллигенция тогда только еще начинала участвовать в общественной и культурной жизни страны. Разночинцы не играли самостоятельной роли. Только Белинский, «предшественник полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении» (Ленин), завоевал огромное влияние и создал в общественном движении 40-х годов свое демократическое русло.

Мировоззрение Чернышевского формировалось в такую пору, когда образованные разночинцы становились уже большой силой, сознательно противопоставлявшей себя чуждым нравам и вкусам дворянской интеллигенции. Первоначальные стимулы и предпосылки к такому противопоставлению создавались для каждого разночинца самой обстановкой семейно-бытовой жизни, в какой он воспитывался с детских лет. Экономическая необеспеченность разночинческой семьи вызывала неизбежность постоянной трудовой занятости и озабоченности всех ее членов. Отсюда складывалось уважение к труду и к трудящимся, возникало презрение к барскому тунеядству. К этому прибавлялась юридическая неполноправность, заставлявшая особенно ценить энергию воли и способностей, путем которых надо было завоевать образование, достававшееся дворянам даром. На этой почве вся атмосфера быта разночинцев пронизывалась трезвым чувством действительности и практической целесообразности.

Чернышевский в «Автобиографии» подчеркивает эти особенности своего детского семейного окружения.

«Простой человеческий взгляд на каждый отдельный факт жизни господствовал в этой семье. Мои старшие были люди в здравом уме» (Лит. насл. Чернышевского, I, стр. 117)... «Я привык видеть людей поступающих, говорящих, думающих сообразно с действительною жизнью. Такой продолжительный, непрерывный, близкий пример в такое время, как детство, не мог не помогать очень много и много мне, когда пришла пора теоретически разбирать, что правда и что ложь, — что добро и что зло» (так же, стр. 114).

Наряду со здоровыми элементами в домашней семейной обстановке Чернышевского было многое и отрицательное, что впоследствии ему приходилось преодолевать. Религиозные предрассудки, воспринятые в семейном кругу, главным образом от отца, долгое время мешали его революционно-идеологическому росту. Чернышевский, как увидим ниже, расстался с этим балластом только в последние годы пребывания в университете.

Среди детских впечатлений глубоко благотворным для Чернышевского было его общение с товарищами из демократической среды в разных играх и развлечениях. Чернышевский через них соприкасался с жизнью простого народа, с его бедностью и нуждами, с постоянными фактами бесправия и угнетения, так или иначе отзывавшимися на психике товарищей-сверстников.

Рядом с этим миром обиженных и угнетаемых Чернышевскому видны были и угнетатели. По обязанностям службы отцу Чернышевского приходилось бывать в дворянских домах. Мать его тоже была связана с дворянскими семьями. Семейные знакомства вовлекали в некоторое общение с дворянской средой и самого мальчика — Чернышевского. Он знакомился, таким образом, с миром помещичье-барской беспечности не только издали, но и по непосредственным собственным впечатлениям и наблюдениям. Крепостнические порядки со всей мерзостью сытости и произвола господ и жутким бесправием крестьян-рабов открывались полностью перед сознанием наблюдательного мальчика. В своей автобиографии Чернышевский рассказы

вает о диких нравах губернских властей и крупных помещиков саратовского общества.

Сама жизнь была для Чернышевского первым учителем, разъяснившим ужас социальных противоречий крепостнической России.

Первоначальное образование Чернышевский получил дома под руководством отца. Отец Чернышевского был образованным человеком и отличался большой любознательностью. По характеру своей профессии он, естественно, был начитан больше всего в области богословской литературы, но в то же время понимал благотворность широкого разностороннего просвещения. Кроме различных первоначальных школьных знаний, у отца Чернышевский хорошо научился латинскому, греческому и отчасти французскому языкам. Немецкому языку Чернышевский обучался у специально приглашенного немца-колониста, преподавая ему взамен русский язык. Несколько позднее, кроме того, Чернышевский учился древне-еврейскому, татарскому, арабскому и персидскому языкам.

Памятью Чернышевский обладал исключительной, любознательность его и тогда уже была широка и разнообразна. «То, чему он учился,—рассказывает его родственник, известный впоследствии историк литературы, А. Н. Пыпин,—он быстро схватывал и прочно сохранял, в чем помогала ему необыкновенная память. Кажется, очень рано он был хорошим латинистом; мне ясно припоминается он за чтением старой латинской книги, напечатанной, помнится, в два столбца мелким шрифтом, с которой он расстался, вероятно, тогда, когда прочел ее всю. Впоследствии, когда мне случалось приезжать домой, я видел эту книгу и мог ее определить: это было старое, первых годов семнадцатого столетия, издание Цицерона; помню, что он читал ее свободно, не обращаясь к словарю. Это, видимо, была одна из старых книг его отцовской библиотеки» (А. Н. Пыпин. «Мои заметки.» М., 1910, стр. 19).

В сентябре 1842 года Чернышевский поступил в Саратовскую духовную семинарию прямо в класс реторики, т. е. во вторую половину низшего отделения. В семинарии он

оставался недолго. После окончания среднего, так называемого, философского отделения семинария им была оставлена для поступления в университет.

Официальное семинарское преподавание мало прибавило к знаниям юноши Чернышевского, попрежнему черпавшего свои сведения преимущественно из библиотеки отца и вообще из книг, какие ему были доступны по саратовским условиям. Особо важное значение для него имело чтение наиболее передового, в то время журнала «Отечественные Записки», где печатался Белинский, оказавший на развитие Чернышевского огромное влияние.

В том же журнале Чернышевский находил произведения лучших в то время европейских писателей, как Диккенс, Жорж Санд и др. Из русских писателей тогда же Чернышевский наиболее глубоко ценил Гоголя и Лермонтова.

Ко времени поступления в университет Чернышевский являлся уже человеком, обладавшим незаурядной начитанностью в самых различных областях знаний. Его знания далеко превосходили тот обычный школьный уровень, с которым тогдашние юноши поступали в высшую школу. Уже тогда в нем определенно обозначалась неутомимая умственная пылкость и активность мысли. Он всегда стремился к расширению и углублению своих знаний. Каждая прочитанная книга поднимала в нем новый порыв любознательности.

В известной мере в то время уже определилось и направление, в каком работала мысль и устремлялись моральные требования юноши. На это направление указывает его предпочтительное отношение к журналу «Отечественные Записки» со статьями Белинского, его интерес и вкус к таким писателям, как Диккенс, Жорж Санд, Сю с присущим им демократизмом и недовольством существующей действительностью и с их порывами к устройению новой жизни на основах участливого отношения человека к человеку.

III

В 1846 году с осени Чернышевский поступил в Петербургский университет по историко-филологическому факультету.

Вторая половина сороковых годов в России была временем большого общественного оживления.

40—50-е годы прошлого столетия явились для России периодом перерастания капиталистической мануфактуры в капиталистическую фабрику. В 1833 г. в Россию было ввезено машин для текстильной промышленности на 320 тыс. рублей серебром, а в 1851 г.—на 3.189 тыс. рублей. По числу бумагопрядильных веретен Россия в начале 50-х годов XIX века занимала пятое место в мире (после Англии, Франции, Соединенных Штатов Америки и Австрии). Рост фабрик, введение машин меняет лицо русских городов и требует создания в стране таких условий, при которых новый растущий капитализм мог бы пользоваться свободным наемным трудом.

Крепостное право становится препятствием для дальнейшего развития не только промышленности, но и сельского хозяйства. Первая половина XIX столетия характерна усилением вывоза хлеба, в частности пшеницы. Помещик начинает производить хлеб не только для внутреннего, но и для внешнего рынка. Если в 1806—1810 гг. было вывезено 5.120 тыс. пудов хлеба, то в 1856—1860 гг. было уже вывезено 69.254 тыс. пудов хлеба. За одно пятидесятилетие вывоз хлеба из России увеличился почти в 14 раз.

Помещики для того, чтобы увеличить свои доходы, усиливают эксплуатацию крепостных. Они увеличивали свою пашню за счет уменьшения запашки крестьян. Крестьянам оставляли только две-три десятины земли на хозяйство. Эта земля не могла удовлетворить и минимальных потребностей крестьян. Если в конце XVIII века в черноземной полосе из 100 десятин помещичьей земли 75 процентов находилось в пользовании крестьян, то в 50-х годах прошлого столетия в руках крестьян находилось всего лишь 31 процент. Наряду с этим росла и барщина.

Крестьяне голодали, разорялись, были превращены буквально в рабов помещиков-крепостников.

«Способы извлечения помещиком из крестьян всяких выгод усиливаются, усложняются с каждым днем и доходят

до такой утонченности, что страшно об этом подумать», — пишет в своей автобиографии славянофил Кошелев, которого никак нельзя заподозрить в дружеских чувствах или любви к крестьянам.

Крестьянство жило в состоянии постоянного скрытого протеста. Временами этот протест прорывался наружу. В 1827 г., характеризуя настроение крестьянства, агенты царской жандармерии пишут: «Среди крестьян циркулируют несколько пророческих предсказаний: они ждут своего освободителя, как евреи ждали своего мессию, и дали ему имя Метелкин. Они говорят между собою: «Пугачев пугал господ, а Метелкин пометет их». Крестьянские волнения особо усиливаются в 40—50-х годах XIX века. Об этом говорят следующие цифры: в 1826—38 гг. было в среднем 16 крестьянских волнений ежегодно. В 1845—54 гг. — 34, а в 1855 — 60 гг. — 79.

Рост промышленности, развитие рыночных отношений, обветшалость и неудовлетворительность барщинной системы хозяйства, непосильная тяжесть этой системы для крестьян, нарастающий протест крепостного крестьянства, — все это неудержимо влекло к уничтожению крепостничества. Крепостной строй себя пережил, он превратился в тормоз, мешающий дальнейшему развитию производительных сил.

«Царская Россия позже других стран вступила на путь капиталистического развития. До 60-х годов прошлого столетия в России было очень мало фабрик и заводов. Преобладало крепостническое хозяйство дворян-помещиков. При крепостном строе не могла по-настоящему развиваться промышленность. Подневольный крепостной труд давал низкую производительность труда в сельском хозяйстве. Весь ход экономического развития толкал к уничтожению крепостного права. Царское правительство, ослабленное военным поражением во время Крымской кампании и запуганное крестьянскими «бунтами» против помещиков, оказалось вынужденным отменить в 1861 году крепостное право» («Краткий курс истории ВКП(б)», изд. 1938 г., стр. 5).

Однако, в 40 гг. крепостники во главе с правительством продолжали удерживать выгодную для них старую крепостническую систему.

Такое положение внутри страны не могло не привести к обострению классовой борьбы.

Расширялась и углублялась политическая оппозиция в передовых дворянских кругах (Герцен и др.). Обострялась борьба между реакционными и либеральными группировками дворянства (славянофильство и западничество). В идеологической борьбе поднималась новая революционная линия демократов-разночинцев. Крепла проповедь Белинского — «предшественника полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении» (Л е н и н). На Украине в Кирилло-Мефодиевском братстве развивалась деятельность Шевченко. Разными путями и средствами, особенно в кружках петрашевцев, развертывалась пропаганда идей утопического социализма. В художественной литературе антикрепостнические тенденции получали все большую силу.

На Западе в те же годы ширилась революционная борьба пролетариата, возник союз коммунистов, появился «Манифест Коммунистической партии», в Англии развертывалось чартистское движение, по всей Западной Европе поднималось революционное движение, достигшее своей кульминации в 1848 году.

С этого же года в России устанавливается реакция. Под впечатлением европейской революции наступает разгул дворянского крепостнического реакционного большинства, хватающегося, как за якорь спасения, за старую барщину и за самодержавие. Правительство стремится задушить «вольнодумие», оградить страну от «заразы Запада», раздавить «гидру революции» и в самой Западной Европе. Дико свирепствует цензура, просвещение ставится под опеку церкви, наука изгоняется. Происходит разгром петрашевцев. В Венгрию направляются русские войска для подавления революции. Режим удушающей реакции продолжается семь лет (до 1855 года).

Таково было положение России в те годы, когда

Чернышевский находился в университете. В эти годы он окончательно выбрал для себя путь борьбы с самодержавием за улучшение положения крестьянства,—путь революционного демократа, идейного вождя крестьянской революции.

Годы пребывания Чернышевского в университете для формирования его мировоззрения в основном являлись решающими.

Из профессоров Чернышевский уважал очень немногих. Некоторое время он охотно занимался у И. И. Срезневского, профессора славянской филологии. Он аккуратно посещал его занятия, входил с ним в личные беседы, бывал у него на дому, выполнял его специальные научные поручения и к концу занятий в университете под его руководством проделал большую научную работу по составлению «Словаря к Ипатьевской летописи». Из других занятий Чернышевский больше ценил часы проф. Никитенко по русской литературе. Кроме лекций самого профессора, здесь часто ставились доклады студентов, среди которых нередко были выступления самого Чернышевского. Выпускное сочинение Чернышевского выполнялось у того же проф. Никитенко. Однако эти занятия вовсе не свидетельствовали о том, что Никитенко был для Чернышевского большим авторитетом. Повидимому, его больше увлекала сама литература, по поводу которой можно было высказывать интересовавшие его мысли.

Кроме своих факультетских занятий, Чернышевский посещал лекции и по другим специальностям. В особенности его интересовали лекции К. А. Неволлина, читавшего историю российских гражданских законов, и лекции проф. Э. Х. Ленца, читавшего физику. Физикой Чернышевский много занимался в связи с своим стремлением изобрести вечно-движущуюся машину (*perpetuum mobile*), с помощью которой он надеялся совершить переворот в экономической жизни человечества.

Получая книги из разных петербургских библиотек, Чернышевский систематически изучает наиболее капитальные труды по самым различным областям знаний. Особенно он

интересовался социальными науками. История была для него одной из самых любимых и важных наук. Он отыскивал в библиотеке сочинения крупнейших политиков, экономистов и публицистов Франции, Германии, Англии и, критически осваивая их, стремился выработать сознательное понимание исторических и современных событий общественной борьбы. По истории он читает Гизо, Тьерри, Мишле, по политической экономии—Адама Смита, Рикардо, из философии много занимается Кантом, Гегелем и в особенности Фейербахом. Одновременно читает произведения утопических социалистов—Сен-Симона, Фурье, Кабе, Леру и их последователей.

Интересуясь ходом общественно-политической жизни в Европе и в России, Чернышевский всегда прочитывал, кроме русских, много иностранных газет и журналов, получаемых в России.

На почве общности социально-политических интересов Чернышевский сближается со студентом М. И. Михайловым, впоследствии крупным революционером, погибшим в ссылке, на каторжных работах.

Посещая кружок молодых людей, собиравшихся у Ир. Введенского, одного из передовых и образованных людей того времени, выходца из той же разночинческой интеллигенции, Чернышевский встречался там с петрашевцами. Из петрашевцев наибольшее влияние на него оказал А. В. Ханыков, возбудивший интерес к изучению Фурье и Фейербаха и в своих беседах пропагандировавший идею революционного переворота в России.

Чернышевский, откидывая у Фурье фантастические необоснованные детали, усваивает и принимает его учение, направленное к уничтожению эксплуатации и установлению общественных отношений на основе равенства.

Чернышевский пошел дальше утопистов. Он понимал, что равенство можно установить только в результате народной революции. Социалисты-утописты надеялись перестроить мир эволюционным, мирным путем. Они пропагандировали мирное разрешение тех противоречий, которые существовали между господствующими и угнетае-

мыми классами. Они надеялись, что сами имущие классы в конечном счете придут к выводу, что надо изменить условия общественной жизни. Н. Г. Чернышевский же понимал, что только борьба может освободить трудящихся от тех тяжелых условий, в которых они находятся. Этим Н. Г. Чернышевский отличается от социалистов-утопистов. В. И. Ленин, называя Чернышевского великим утопистом, подчеркивал, что он лучший социалист до-марковского периода, что он революционный демократ.

Особенно важное значение в формировании социального мировоззрения Чернышевского имело революционное движение, происходившее в 1848 году во Франции. Чернышевский жадно прочитывал все известия о ходе событий во Франции, пользуясь для этого преимущественно французской газетой «Des debats», газетой очень мелкой по своему направлению, но фактическими сообщениями помогавшей Чернышевскому видеть картину развертывавшейся борьбы.

В оценке сил, борющихся во Франции, Чернышевский сочувствует наиболее радикальным представителям мелкой буржуазии, становясь, в связи с развитием революционных событий, целиком на сторону социалистов.

Чернышевский понимает, что подлинное освобождение трудящихся гарантируется не бумажными законами, а действительным обеспечением народа в области материальных благ. «Эх, господа, — обращается он к буржуазным либералам, — вы думаете дело в том, чтобы было слово республика, да власть у вас — не в том, а в том, чтобы избавить низший класс от рабства не перед законом, а перед необходимостью вещей, как говорит Луи Блан, чтобы он мог есть, пить, жениться, воспитывать детей, кормить отцов, образовываться и не делаться — мужчины трупами или отчаянными, а женщины — продающими свое тело» (Литер. наследие, I, стр. 266).

Чернышевский становится решительным сторонником революционеров. «Мне кажется, — записывает он в дневнике 18 сентября 1848 года, — что я стал по убеждениям в конечной цели человечества решительным партизаном социалистов и коммунистов и крайних республиканцев, монтаньяр,

решительно» (Литер. наследие Чернышевского, I, стр. 277).

Разгул реакции в России после 1848 года, разгром петрашевцев, арест личного друга петрашевца Ханыкова, усиление полицейского шпионства, цензурный гнет в области просвещения и печати—приводят Чернышевского к поискам немедленных мероприятий, какие могли бы уничтожить царизм и самодержавие.

Он возмущен николаевской расправой над петрашевцами и внутренне считает себя участником их дела: «Я, например,—пишет он 25 апреля 1849 года,—сам никогда бы не усомнился бы вмешаться в их общество и со временем, конечно, вмешался бы» (там же, стр. 419).

В последние месяцы 1849 года и в начале 1850 года Чернышевский сосредоточен на мысли о необходимости насильственного переворота в России. Он ждет народного восстания и сам готовится встать в ряды мужественных революционных бойцов.

«Пусть начнется угнетение одного класса другим, тогда будет борьба, тогда угнетенные сознают, что они угнетены при настоящем порядке вещей, но что может быть другой порядок вещей, при котором они не будут угнетены; поймут, что их угнетает не бог, а люди, что нет им надежды ни на правосудие, ни на что, потому что между угнетающими их нет людей, стоящих за них; а теперь они самого главного из этих угнетателей считают святым». Далее, сказав о бессмысленности надежд на добровольный отказ угнетателей от своих классовых привилегий в пользу трудящихся, Чернышевский продолжает: «Вот мой образ мыслей о России, ожидание близкой революции и моя надежда ее, хотя я и знаю, что долго, может быть, весьма долго, из этого ничего не выйдет почти, так что может быть надолго только увеличится угнетение и т. д.—что нужды—человек, не ослепленный идеализацией, умеющий судить о будущем по прошедшему и благословляющий известные дикости прошедшего, несмотря на все зло, какое сначала принесли они, не может устрашаться этого, он знает, что иногда нельзя ожидать от людей, что мирное, тихое развитие невозможно» (Литер. наследие, I, стр. 496—497).

В мае 1850 года Чернышевский проектирует воззвание к народным массам с призывом к восстанию. В воззвании он имеет в виду описать массам их положение и разъяснить, что «только сила, и только они сами через эту силу могут освободиться от этого» (Литер. наследие, I, стр. 512).

Одновременно с ростом революционного сознания Чернышевского формировалось и его материалистическое философское мировоззрение.

С детской поры Чернышевский находился под влиянием религии. Окончательное освобождение от религиозных понятий и представлений произошло в связи с изучением философии материалиста Фейербаха. В августе 1850 г. мы уже находим запись, характеризующую Чернышевского как атеиста. В разговоре со знакомой девушкой А. Г. Клиэнтовой Чернышевский отрицает существование бога (Литер. наследие, I, стр. 527).

Чернышевский остался последователем Фейербаха на всю жизнь. Об отражении этого влияния на философском мировоззрении Чернышевского скажем ниже по поводу его сочинений «Эстетические отношения искусства к действительности» (1855) и «Антропологический принцип философии» (1860).

IV

Весною 1850 года Чернышевский окончил университет. Навестив летом своих родных в Саратове, он вернулся снова в Петербург, надеясь устроиться здесь на службу преподавателем русского языка и словесности в военных учебных заведениях. Одновременно Чернышевский хлопотал также о предоставлении ему места преподавателя в саратовской гимназии. Некоторое время он был преподавателем в кадетском корпусе в Петербурге.

В ноябре он узнал, что просьба о предоставлении ему места преподавателя в саратовской гимназии удовлетворена. Приказ о его назначении вышел в январе 1851 г. Весною этого года он начал занятия в саратовской гимназии.

В обстановку реакционной казенщины, существовавшей в гимназии, Чернышевский внес свежую струю передовых демократических общественных интересов, заново пере-

строил все содержание и весь процесс занятий с учениками. Он старался дать им широкое всестороннее развитие и поднять в них интерес к общественным вопросам. «Это была свежая молодая натура,—рассказывает один из его учеников Воронов,—полная сил и энергии, человек, обладавший огромными специальными и энциклопедическими познаниями, что и заставило его довольно скоро выбрать более широкую арену для своей деятельности. Но и в то недолгое время, которое учитель пробыл в нашей гимназии, глубоко была потрясена им старая система воспитания, и память о нем навсегда сохранилась между его учениками... В учениках своих он умел развить охоту к чтению, постоянно прочитывая сам различные книги и кроме того снабжая ими желающих. Уроки всегда рассказывались им с такой ясностью и так понятно, что каждый мог повторить их, не прочитывая по книге. Кроме своего предмета он сообщал нам необходимые понятия почти о всех науках... С какой радостью мы встречали всегда этого человека и с каким нетерпением ожидали его речи, всегда тихой, нежной и ласковой, если он передавал нам какие-нибудь научные сведения. В классе господствовала мертвая тишина; даже самые шаловливые мальчики затихали и напрягали слух, боясь проронить хоть одно слово» (М. В о р о н о в. «Болото». Картины петербургской, московской и провинциальной жизни. 1870, стр. 120—121).

Литературные явления Чернышевский ставил в связь с общим ходом социальной борьбы. Это несомненно оказывало революционизирующее воздействие на сознание его учеников. Чернышевский старался внушить идеи революции своим ученикам и более непосредственно. В дневнике своем он отметил, что говорит ученикам своим такие вещи, которые «пахнут каторгою» (Литер. насл., I, стр. 557).

Чернышевский не стеснялся, повидимому, в своих лекциях касаться общих мыслей о губительности крепостного права, высказывать их открыто, хотя это в ту пору тоже было под запретом и угрожало репрессиями со стороны начальства. По словам Духовникова, директор гимназии Мейер жаловался своим собеседникам на Чернышевского:

«Какую свободу допускает у меня Чернышевский. Он говорит ученикам о вреде крепостного права. Это вольнодумство и вольтерьянство. В Камчатку упекут меня за него» (Ф. Д у х о в н и к о в. «Н. Г. Чернышевский. Его жизнь в Саратове». «Русская Старина», 1911, т. I, стр. 80).

Деятельность Чернышевского в саратовской гимназии в конце концов окончилась осложнениями отношений с директором и опасностью стать жертвою политического доноса. Весною 1853 года стало ясно, что ему оставаться в гимназии нельзя.

В Саратове Чернышевский входил в живое общение с известным впоследствии историком Н. Костомаровым, писателем Мордовцевым, преподавателем Е. Беловым и другими лицами, составлявшими кружок местных передовых людей. Самым выдающимся из них был Н. Костомаров, и он, повидимому, являлся наиболее частым собеседником и оппонентом Чернышевского. Взгляды их не сходились.

Н. Костомаров был либералом, сторонником сохранения религии и врагом революции. Между тем в глазах Чернышевского,—по словам того же Костомарова,—«религиозное чувство было слабостью суеверия и источником всякого зла и несчастья человека». Чернышевский отрицал «святость всяких властей, всего того, что имело поползновение стеснять свободу человеческой жизни». Существующий общественный порядок Чернышевский считал злом, которое надо устранить путем насильственного революционного переворота. Чернышевский решительно отрицал принцип собственности; в противовес ему он выдвигал «идеал нового общественного строя на коммунистических началах». Осуществление этого нового строя считал возможным «только кровавыми разрушительными переворотами» (Н. К о с т о м а р о в. Автобиография. Отд. изд. 1930).

Чернышевский на основе анализа состояния России пронизательно устанавливал непрерывное нарастание народного недовольства и ждал революции. В беседе со своей будущей женой он так описывал состояние России: «Неудовольствие народа против правительства, налогов, чиновников, помещиков все растет. Нужно только одну искру, что-

бы поджечь все это. Вместе с тем растет и число людей из образованного кружка, враждебных против настоящего порядка вещей. Вот готова и искра, которая должна зажечь этот пожар. Сомнение одно—когда он вспыхнет? Может быть лет через десять, но я думаю скорее. А если вспыхнет, я... не буду в состоянии удержаться. Я приму участие... Меня не пугает ни грязь, ни пьяные мужики с дубьем, ни резня» (Литер. наследие Чернышевского, I, стр. 557).

В период саратовской жизни Чернышевского важным событием является его женитьба на Ольге Сократовне Васильевой, дочери местного врача. История их взаимных отношений очень подробно рассказана самим Чернышевским в его дневнике («Дневник моих отношений с тою, которая теперь составляет мое счастье»). Все рассказанное здесь характеризует Чернышевского как человека исключительной моральной честности и требовательности к самому себе. В его чувстве чуткая предупредительность к любимому человеку сочеталась с острым сознанием своего гражданского призвания как революционного борца за общественное благо.

Вскоре после женитьбы Чернышевский, побуждаемый неблагоприятно и политически-опасно сложившимися отношениями в гимназии, а больше всего стремлениями к применению своих богатых сил на более широкой общественной арене, выехал с женой в Петербург.

V

13 мая 1853 года Чернышевский приехал в Петербург. Здесь ему сразу пришлось много хлопотать и работать. Одновременно с заботами о квартире, о заработке Чернышевский деятельно готовился к университетскому экзамену на ученую степень магистра, имея в виду получить в университете кафедру для преподавания. В конце 1853 года успешно прошли экзамены по русской словесности и по истории, тогда же было напечатано исследование «Опыт словаря к Ипатьевской летописи» и более чем наполовину была закончена диссертация на тему: «Эстетические отношения искусства к действительности». В том же году была начата литературная работа в «Отечественных Записках», в

«Петербургских ведомостях», в журнале «Мода». В конце осени состоялось знакомство Чернышевского с Некрасовым и началось сотрудничество в журнале «Современник». Общий с Некрасовым демократизм, взаимное доверие и личное расположение скоро привели к тому, что Чернышевский, отказавшись от работы в других изданиях, всю свою литературную деятельность сосредоточил в «Современнике».

К середине 1855 года ходом военных событий окончательно определилась неудача Крымской войны, совершенно явственно показавшая негодность николаевской полицейско-крепостнической государственной системы. Умножились крестьянские волнения, заставлявшие помещика подумать об освобождении крестьян раньше, чем они примутся за свое освобождение сами. И в правительственных кругах необходимость реформ осознавалась с каждым месяцем все настоятельнее и острее. В 1855 году были даны некоторые распоряжения, при помощи которых царизм пытался привлечь на свою сторону либеральную общественность для борьбы против крестьянской революции. В частности, определенное смягчение последовало для печати в цензурном режиме. В связи с этим в журналистике постепенно открывались возможности, хотя и очень небольшие, для обсуждения вопросов общественной жизни.

После подписания унижительных для России условий Парижского мира (18/30 марта 1856 года) либеральные уступки правительства приняли характер еще более беспоконный и откровенный. В марте того же года самим Александром II в обращении к московским дворянам было предложено «обдумать» вопрос об освобождении крестьян от крепостной зависимости. «Лучше начать уничтожать крепостное право сверху, — говорил царь, — нежели ждать того времени, когда оно начнет само собою уничтожаться снизу».

Все эти обстоятельства не могли не привести к ожиданию крупных общественных перемен, а в связи с этим — и более широких и свободных возможностей в деле пропаганды революционно-демократических идей средствами журнальной публицистики.

Чернышевский в эти годы развил огромную деятельность в журнале «Современник». Он писал статьи и рецензии о книгах по разным вопросам. По условиям преобладания прежних литературных занятий, Чернышевский, естественно, вначале тяготел больше к литературно-критическому отделу. Но, кроме чисто личного расположения, здесь имело главное значение то обстоятельство, что в ту пору, по характеру цензурных требований, художественная литература и литературная критика открывала более широкие возможности к обсуждению вопросов общественной жизни.

При вступлении Чернышевского в «Современник» там господствовала либерально-дворянская группа сотрудников: Тургенев, Дружинин, Григорович, Анненков и др. В критико-библиографическом отделе журнала не было серьезного направления, царили расплывчатые, неопределенные оценки, примиренчество и фельетонная болтовня, предназначенная для легкого развлечения. Статьи и рецензии Чернышевского обратили на себя внимание своей решительностью, прямо-той суждений и общей демократической тенденцией. В литературных мнениях Чернышевский сразу заявил себя сторонником правдивого и серьезного изображения действительности, противником светской беллетристики и врагом ложной реакционной славянофильской «народности» (отзывы о романах Авдеева, Евгении Тур, о комедии Островского «Бедность не порок»). В противовес фельетонному балагурству и извилистой уклончивости либералов Чернышевский требовал от журнальной критики серьезной принципиальности и общественной ответственности и сам проводил эту линию в своей работе («Об искренности в критике»).

Чернышевский остроумно высмеивал литературных рецензентов, боявшихся прямой мысли и подменявших подлинную и правдивую оценку трусливой и бессодержательной фразеологией.

Рецензии Чернышевского написаны были всегда в тоне решительной и открытой прямоты, поскольку это было возможно по условиям цензуры. О романе Евг. Тур «Три

поры жизни» Чернышевский решительно заявлял: в нем «нет ни мысли, ни правдоподобия в характерах, ни вероятности в ходе событий, есть только страшная аффектация, натянутость и экзальтация». «Над всем владевает неизмеримая пустота содержания» (Собр. соч., т. I, стр. 122). Романы популярного тогда писателя Авдеева Чернышевский упрекал в отсутствии мысли, в бездарной подражательности, в пристрастном подкрашивании жизни и нравов помещиков-эксплуататоров: «Посмотрите же, что это за люди и какова их жизнь!.. Может быть эти голуби в сущности вовсе не голуби, а просто-напросто осовевшие под розовыми красками коршуны и сороки; может быть от этих сов плохо приходится очень многим, потому что тунеядцы должны же кого-нибудь объедать...» (Собр. соч., т. I, стр. 112).

Демократические воззрения Чернышевский высказывал и в рецензиях на научные книги. Например, в отзыве о книге Львова «О земле как элементе богатства» Чернышевский уже тогда сумел выдвинуть мысль об эксплуататорской основе господствовавших теорий в области экономической науки (Собр. сочин., т. I, стр. 139).

Ясность общественных требований, демократизм убеждений, открытая прямота тона статей и рецензий Чернышевского сразу внесли в журнал «Современник» новую атмосферу, до сих пор неизвестную и чуждую не только читателям, но и прежним сотрудникам либералам. Статьи Чернышевского, печатавшиеся тогда без его подписи, не могли не взволновать сторонников до сих пор господствовавшего в журнале направления. «Многие из крупных сотрудников «Современника» долго не знали, кто помещает в журнале критические и библиографические статьи. Когда к Некрасову приставали за объяснениями Тургенев, Боткин, Григорович и др., Некрасов обыкновенно как-нибудь уклонялся от прямого ответа, и имя нового сотрудника оставалось неизвестным. Один раз Боткин настойчиво стал допрашивать поэта и сказал: «Признайся, Некрасов, ты, говорят, выкопал своего критика из семинарии?» «Выкопал, — отвечал Некрасов. — Это мое дело». Помещенный в «Совре-

меннике» небольшой разбор повестей Авдеева, печатавшихся раньше в том же журнале, произвел целую бурю в литературных кругах. Многие были задеты, другие заинтересованы, все расспрашивали, кто этот отважный критик, осмелившийся так резко разбранить Авдеева, известного в свое время литератора и постоянного сотрудника «Современника»... Авдеев до того обиделся, что послал Некрасову ругательное письмо» (Е. Колбасин. «Тени старого «Современника». «Современник», 1911, кн. 8).

Особо известен стал Чернышевский со времени защиты диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности». В конце июля или в начале августа 1853 года было начато его исследование по эстетике, к концу года оно было уже закончено и представлено профессору А. Н. Никитенко для предварительного отзыва. Имея в виду материалистические основы своего труда и их запретность в царской России, Чернышевский рассчитывал, что представители официальной науки не сразу распознают новизну и смелость его мысли. «По секрету можно сказать, — писал он отцу, — что г. г. здешние профессора словесности совершенно не занимались тем предметом, который взял я для своей диссертации, и поэтому едва ли увидят, какое отношение мои мысли имеют к общественному образу понятий об эстетических вопросах. Им показалось бы даже, что я — приверженец тех философов, которых мнение оспариваю, если бы я не сказал об этом ясно. Поэтому я не думаю, чтобы у нас поняли, до какой степени важны те вопросы, которые я разбираю, если меня не принудят прямо объяснить этого» (Письмо отцу 21 сент. 1853 года).

Так оно отчасти и было. Профессор Никитенко, хотя, очевидно, и почувствовал в диссертации Чернышевского элементы каких-то новых и неприемлемых для него стремлений, все же не учел всей радикальности основных материалистических и революционизирующих идей, положенных Чернышевским в основу всех его частных мнений, и после некоторых колебаний представил диссертацию для дальнейшего движения. 11 апреля 1855 года диссертация была утверждена советом университета, после этого была

отпечатана и назначена к защите на 10 мая этого года. Защита Чернышевским своей диссертации осталась в памяти у многих современников. Это был день полного триумфа Чернышевского и торжества новых идей и их сторонников. Оппоненты Чернышевского, профессора Никитенко, Сухомлинов и Плетнев, не могли представить ничего основательного в возражение его твердым положениям и сами ощущали свою растерянность. Они были смущены и обидчиво огорчены смелостью и решительностью ответов диспутанта, но все же не могли не признать основательности его ученой специальной подготовки и признали его достойным получения степени магистра. Соответствующее постановление совета университета было направлено на утверждение министру А. С. Норову. Здесь дело было задержано и только через 3½ года, при новом министре народного просвещения Е. П. Ковалевском, 29 октября 1858 года последовало окончательное утверждение Чернышевского в ученой степени магистра. Но тогда это ему было уже совершенно не нужно. Книга Чернышевского и самый факт ее защиты имели громадный общественный отклик.

В передовых демократических кругах выступление Чернышевского воспринималось как первое победное сражение, как начало войны с врагом, против которого выступать до сих пор было невозможно и не находилось умелого человека, который осмелился бы это сделать. Диспут Чернышевского явился знаком общественного пробуждения. Чернышевский нарушил общую молчаливость и всем смыслом своей новой теории искусства звал общество к обсуждению действительности. После крымского разгрома, в обстановке возросших сомнений и общего недовольства, в условиях создавшейся растерянности самодержавия и смутных ожиданий широких масс, было сказано слово, уверенно призывавшее к рациональному пересмотру старых идей, задерживавших рост общественной инициативы и стеснявших освобождающуюся активность демократических масс. Лица, хоть сколько-нибудь знакомые с диссертацией Чернышевского и сочувствующие ее содержанию, шли на диспут как на общественную демонстрацию и переживали

успех диссертанта как свою победу. Чернышевский сразу выдвинулся среди передовой демократической интеллигенции, которая не была тогда еще сплочена.

О значении диспута Чернышевского для передовой интеллигентной молодежи той поры справедливо говорит в своих воспоминаниях Шелгунов, очевидец и участник этого события. «Умственное направление 60-х годов,—рассказывает он,—в первый раз в своем зачаточном виде было провозглашено в 1855 году на публичном диспуте в Петербургском университете. Я говорю о публичной защите Чернышевским его диссертации «Об эстетических отношениях искусства к действительности». Задолго до публичной защиты о ней было уже известно в кружках, более близких к автору. Пекарский,^{*)} как всегда не без известной таинственности и некоторого священного трепета сообщивший мне об этом, с волнением ожидал приближения знаменательного дня. Мы отправились вместе. Небольшая аудитория, отведенная для диспута, была битком набита слушателями. Тут были и студенты, но, кажется, было больше посторонних, офицеров и статской молодежи. Тесно было очень, так что слушатели стояли на окнах. Я тоже был в числе этих, а рядом со мной стоял Сераковский (офицер генерального штаба, впоследствии принявший участие в польском восстании и повешенный Муравьевым). Во время диспута Сераковский приходил в самый шумливый восторг и увлекался до невозможности... Чернышевский защищал диссертацию со своей обычной скромностью, но с твердостью непоколебимого убеждения. После диспута Плетнев (председательствовавший) обратился к Чернышевскому с таким замечанием: «Кажется, я на лекциях читал вам совсем не это!» И действительно, Плетнев читал не то, а то, что он читал, было бы не в состоянии привести публику в такой восторг, в который ее привела диссертация. В ней было все ново и заманчиво: и новые мысли, и аргументация, и простота, и ясность изложения». Содержание диссертации,

^{*)} П. П. Пекарский—известный впоследствии историк литературы, сотрудник „Современника“.

по словам Шелгунова, воспринималось, как «проповедь гуманизма, целое откровение любви к человечеству, на служение которому призывается искусство». Шелгунов отмечает и тот практически программный смысл, какой извлекался тогда из диссертации слушателями Чернышевского, рвавшимися к активному участию в общественном переустройстве. «Явись эта диссертация,—пишет он,—только шесть—семью годами раньше, когда кончал Белинский и выступал В. Майков *), влияние ее, конечно, не перешло бы литературных пределов. Но теперь было другое время, теперь мы узнали Севастополь. Общественное внимание хотя и смутно, но уже устремилось к оценке действительности. И момент не мог быть выбран более удачно, чтобы сказать обществу, что никакого другого дела у него не может и не должно быть, как только думать о своих делах». (Н. Шелгунов. Сочинения, т. II, стр. 685—687. «Воспоминания». Л., 1923, стр. 163—165).

В чем же состояла новизна в воззрениях Чернышевского, выраженных в его диссертации?

Проблемы эстетики служили Чернышевскому поводом и материалом для пропаганды общих основ материалистического мировоззрения. Чернышевский не мог при тогдашних, условиях выдвинуть материалистические принципы в их прямом непосредственном приложении к вопросам политической борьбы. Именно поэтому он выбрал такой, отвлеченный вопрос как эстетика. Эстетика для этих целей оказывалась наиболее удобной.

Общий смысл диссертации Чернышевского был направлен к ниспровержению старых религиозных и идеалистических авторитетов. По господствовавшим религиозным или философски-идеалистическим представлениям человек мыслился существом, лишенным самостоятельности, не имеющим ни возможности, ни власти распорядиться самим собою. Подлинно ведущей силой, руководящей жизненным процессом, объявлялась фантастическая потусторон-

*) В. Майков—литературный критик, в 1847 году занявший место Белинского в „Отечественных Записках“.

няя власть бога, рока, судьбы, идеи и пр. Тем самым принижалась роль и значение человеческой деятельности в устройении жизненных благ. В жизни человека высшей ценностью представлялось не благо самого человека, а удовлетворение каким-то неведомым целям потустороннего бытия. Задачи наилучшего устройства общественной жизни, вопросы обеспечения частного и общественного благополучия тем самым отводились на второй план. Авторитетом религии и идеалистической философии, таким образом, поддерживалась пассивность угнетенных масс. Такая философия могла содействовать только застою и неизменному сохранению существующих порядков. Для пробуждающейся демократии она была особенно ненавистна. Разрушению этой системы воззрений способствовала материалистическая философия Фейербаха.

Фейербах доказывал, что действительность, природа, человеческое бытие существуют сами по себе, независимо ни от какой идеи. Люди есть продукт природы. А воображаемое идеальное бытие есть не что иное, как создание сознания самого человека. Так называемые «высшие существа» или «абсолютные идеи» пребывают только в фантазии человека, их нет в объективном мире. Между природой и человеком нет ничего. Человек сам является хозяином своей жизни, сам должен устраивать свое счастье, и природа в этом смысле принадлежит ему. Прав человек, когда действует во имя своего земного счастья, потому что в стремлении к счастью заключается вся его жизнь и это счастье должно быть его уделом. Фейербах устранил приносящий человека и природу потусторонний мир, разоблачил слепые предрассудки и объявил законность торжества природы, человека и его разума, направленного на устроение радостной жизни.

Не называя имени Фейербаха и даже не излагая отправных положений его философии, Чернышевский все рассуждение о природе искусства построил на основе фейербаховского материализма. Чернышевский лишь косвенно и глухо мог указать читателю на материалистическую конкретно-реальную основу своих суждений: «Уважение к действитель-

ной жизни,—писал он,—недоверчивость к априорическим, хотя и приятным для фантазии, гипотезам—вот характер направления, господствующего ныне в науке. Автору кажется, что необходимо привести к этому знаменателю и наши эстетические убеждения»...

Вскоре по выходе «Эстетических отношений» в печати Чернышевский поместил о них в «Современнике» особую статью в виде рецензии. Здесь Чернышевский еще раз пытался сделать для читателя более заметной материалистическую основу своих суждений. Указывая на отсутствие в его книге изложения «общих начал, из приложения которых к эстетическим вопросам образовалась его теория искусства, Чернышевский в рецензии настойчиво повторяет мысль, что автор является «последователем новых воззрений на действительность, ставящих ее выше грез фантазии», что постоянным критерием его суждений является «практика—великая разоблачительница обманов и самообольщений не только в практических делах, но также в делах чувства и мысли».

Только в 1888 году, в предисловии к новому изданию «Эстетических отношений», Чернышевский о намерениях своего труда сказал вполне откровенно. Припоминая цели, воодушевлявшие его в 1855 году, Чернышевский обозначил их так: «Он (автор трактата, т. е. сам Чернышевский.—А. С.) был доволен своим небольшим трудом только в том отношении, что ему удалось передать на русском языке некоторые из идей Фейербаха в тех формах, какие представляла тогда для подобных работ необходимость сообразоваться с условиями русской литературы». «Вообще автору принадлежат только те частные мысли, которые относятся к специальным вопросам эстетики. Все мысли более широкого объема в его брошюре принадлежат Фейербаху. Он передавал их верно и, насколько допускало состояние русской литературы, близко к изложению их Фейербахом» (Н. Г. Чернышевский. «Философские произведения», М. 1938, стр. 417. Подчеркнуто мною.—А. С.).

Труд Чернышевского об эстетике имеет в истории

эстетических учений очень большое значение. По новизне и оригинальности идей он занимает особое место, как целый этап в развитии эстетики не только в русских пределах, но и в науке европейской.

В эстетике тогда господствовало идеалистическое направление. Основной и почти исключительной областью искусства считалась область прекрасного, причем прекрасное мыслилось как нечто пребывающее вне жизни и присущее человеческому сознанию лишь как недостижимый идеал, заложенный свыше и отражающий какое-то потустороннее совершенство, созерцаемое в глубине замкнутого в себе духа. Прекрасное в искусстве понималось как результат особой вдохновенной сосредоточенности художника в сфере чисто духовного созерцания, совершенно оторванного от реального, практического и общественного существования человека. В итоге область искусства совершенно обособлялась от живой общественной действительности.

Чернышевский учил, что нет никакой иной действительности, кроме той, среди которой живет человек и которую он познает своими ощущениями и мыслью.

Наряду с разрушением идеалистических представлений о прекрасном, возвышенном, трагическом и комическом, очень важным моментом в материалистической эстетике Чернышевского является его определение содержания искусства, как воспроизведения в с е й действительности во всех ее сторонах. Предметом искусства, по его определению, является все, «что в действительности (в природе и в жизни) интересует человека». «Прекрасное, трагическое, комическое—только три наиболее определенных момента из тысячи элементов, от которых зависит интерес жизни и перечислить которые значило бы перечислить все чувства, все стремления, от которых может волноваться сердце человека» (307). Областью искусства является вся действительность, все переживаемое человеком, все, что в объективном мире и в собственных ощущениях, чувствах и желаниях человека составляет для него интерес.

Призывая искусство к воспроизведению жизни, Чернышевский одновременно указывал на вредность механическо-

...льню
действи-
тельности во
... причинно-следственной
зависимости. Всякие формы сознания и мышления человека Чернышевский считает отражением объективного бытия.

Правда, анализ отношений художественного образа к действительности у Чернышевского не во всем справедлив. Утверждая превосходство действительности над искусством, Чернышевский впадает иногда в недооценку возможностей художественного реализма и в явные ошибки в решении вопроса о специфике искусства. Так, например, применительно к поэтическому литературному творчеству у Чернышевского неправильно освещается различие поэтического произведения от простого нехудожественного рассказа о фактах жизни. Он пишет: «В действительности есть много событий, которые надобно только знать, понять и уметь рассказать, чтобы они в чистом прозаическом рассказе человека, писателя мемуаров или собирателя анекдотов отличались от настоящих «поэтических произведений» только меньшим объемом, меньшим развитием сцен, описаний и тому подобных подробностей» (352). Здесь Чернышевский, сводя вопрос к чисто внешним количественным различиям, явно недоучитывает качественную специфику искусства, как особой формы познающей мысли.

Такие недостатки в суждениях Чернышевского явились следствием несовершенства феербаховского антропологизма. Однако надо помнить, что недостаточность материалистических воззрений Чернышевского ощущается лишь в сопоставлении с подлинно-научным диалектическим материализмом. Мироззрение Чернышевского безусловно являлось самым совершенным и материалистически последо-

ский
88-го года
материализма и
позитивистов, махистов и пр... Но Чернышевский не сумел, вернее: не мог, в силу отсталости русской жизни, подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса» (В. И. Ленин. Сочинения, XIII, стр. 295).

В 1855—56 годах Чернышевский в силу того, что тогда по цензурным условиям было невозможно непосредственно подходить к острым вопросам внутренней политической жизни, писал преимущественно о литературе. Чернышевский пользовался всяким поводом к тому, чтобы пробудить в читателе критическое отношение к существующей действительности, вызвать недовольство и желание общественных перемен.

В обстановке обостренной борьбы со старой дворянской литературной традицией Чернышевскому важно было указать и выдвинуть в предшествующем развитии литературы ту линию, которая могла бы явиться опорой и отправным этапом для дальнейшего роста и углубления критических тенденций в литературе.

Относясь к Пушкину, как к основоположнику русской литературы, Чернышевский с точки зрения остроты критического отношения к русской действительности выдвинул на первое место Гоголя.

Для популяризации и выяснения силы и значительности гоголевского критического направления в русской литературе Чернышевским были предприняты обширные «Очерки гоголевского периода в русской литературе».

В первоначальном плане Чернышевский предполагал издать две части этого большого труда. Первая часть долж-

на была составить «обозрение критики» этого периода, во второй части предполагалось рассмотреть деятельность «русских поэтов и беллетристов, начиная с Гоголя до настоящего времени». Чернышевским была выполнена только первая часть, т. е. «обозрение критики».

Подлинным основоположником русской критики Чернышевский считает Белинского, деятельности которого посвящено пять глав из девяти. Только в пятой статье «Очерков» («Современник» № 7, 1856) было названо прямо имя Белинского, во всем предыдущем изложении его имя приходилось обозначать иносказательно, так как тогда оно находилось под цензурным запретом. Уже это обстоятельство свидетельствует само по себе, насколько важны были статьи Чернышевского в общественной борьбе того времени. Деятельность Белинского, критика демократа, в статьях Чернышевского впервые получила безоговорочное признание в противовес тем замалчиваниям и искажениям, каким Белинский подвергался со стороны консервативного и либерального фронта тогдашней литературной борьбы. Чернышевский решительно объявил себя последователем и продолжателем Белинского, в особенности последнего периода его деятельности, когда Белинский тоже требовал от литературы общественной активности и правдивого воспроизведения социальной действительности.

В деятельности Белинского Чернышевский подчеркивал его преданность делу общественного строительства, любовь к родине, горячий энтузиазм в защите народного блага. «В этом смысле немного найдется в нашей литературной истории явлений, вызванных таким чистым патриотизмом, как критика гоголевского периода (т. е. критика Белинского—А. С.). Любовь к благу родины была единственной страстью, которая руководила ею: каждый факт искусства ценила она по мере того, какое значение он имеет для русской жизни. Эта идея—пафос всей ее деятельности. В этом пафосе и тайна ее собственного могущества. Человека, который был органом этой критики, невозможно не признать гениальным».

Кроме прямого значения для изучения истории русской

критики, «Очерки» Чернышевского имели большую важность как первое обозрение истории русской общественной мысли вообще. О наиболее прогрессивных течениях общественно-идеологической борьбы тогда говорить открыто было невозможно. Однако Чернышевский по разным поводам в завуалированной форме сумел включить в «Очерки» сочувственные сведения о влиянии материалистической философии Фейербаха, о политической деятельности эмигранта-Герцена, об идеологии «кружка Огарева и его друзей» (т. е. того же Герцена), о влиянии идей французского утолического социализма.

За «гоголевским периодом», по взгляду Чернышевского, должен был последовать новый период в росте русской литературы, когда она еще более сблизится с интересами трудящихся масс, войдет в жизнь более глубоко и сумеет вполне ответить современным требованиям революционного демократизма.

Из прошлого русской литературы Чернышевский, кроме Гоголя и Белинского, очень высоко ценил творчество Лермонтова и Кольцова. О Лермонтове он не писал особой статьи, но в сравнительных оценках причислял его к крупнейшим русским и западно-европейским писателям наряду с Пушкиным, Гоголем, Диккенсом, Жорж Санд. В творчестве Лермонтова он ценил отрицательное, критическое отношение к действительности и с этой точки зрения считал его представителем гоголевского направления в русской литературе.

Творчество Кольцова Чернышевскому было ценно по его близости к народным массам. Как и Белинский, Чернышевский видел в Кольцове поэта, наиболее близко отразившего трудовой быт и духовные интересы крестьянства и с этой стороны противопоставлял его дворянской псевдонародной литературе (Нелединский-Мелецкий, Дельвиг и др.).

Из прошлого западной литературы Чернышевский особо выдвинул деятельность Лессинга (статьи о Лессинге были напечатаны в «Современнике», 1856 г., кн. 10, 11, 12; 1857 г., кн. 1, 3, 4, 6). В деятельности Лессинга—немецкого

просветителя—было много близкого самому Чернышевскому. Лессинг в свое время боролся за всемерное приближение литературы к жизни, восставал против формализма и пустой подражательности французского классицизма. Считая литературу «выражением общества», Чернышевский указывал в Лессинге пример исторического лица, понимавшего эту истину и всюю своею деятельностью стремившегося поставить литературу на дело общественной пользы. Излагая биографию Лессинга, Чернышевский особо подчеркивал в истории общественной борьбы в Германии XVIII века элементы, аналогичные русской жизни его времени. «По возможности пишу с приношением к нашим домашним обстоятельствам, хотя и не упоминаю о том ясно»,—писал Чернышевский Некрасову во время работы над этими статьями. С явными намеками на условия русской жизни Чернышевский говорит о тупости казенной университетской науки, о раблении перед авторитетами, о пользе гласности в деле исправления общественных нравов, о силе самостоятельного мышления в борьбе с общественными предрассудками и пр. Статьи о Лессинге для Чернышевского служили средством пропаганды моральных и общественных качеств демократического борца применительно к русской обстановке.

Обращаясь к современной ему литературе, Чернышевский умел выдвинуть положительно-ценное в творчестве таких писателей как Тургенев, А. Островский, А. Писемский, Л. Толстой. Он отмечал в их произведениях то, что могло служить целям обновления существующей действительности и одновременно указывал пережитки старой патриархальности в их воззрениях.

С большой похвалой отозвался Чернышевский о рассказах Писемского из крестьянского быта.

Высоко оценил Чернышевский «Губернские очерки» Салтыкова-Щедрина, показавшего гнусные стороны русского чиновничества не как моральные недостатки отдельных лиц, а как неизбежное следствие всей системы полицейско-крепостнических отношений.

Та же мысль была положена Чернышевским в основу

его отзыва о пьесе Сологуба «Чиновник». «Это не отдельное явление,—писал здесь он о взятках,—которое можно уничтожить, не касаясь произвола,—нет, взятки—следствие тех самых обычаев, которых держитесь вы, г. Надимов (герой пьесы Сологуба.—А. С.); взятки только ничтожный симптом той страшной болезни, которою охвачен, пройден до костей весь ваш организм. Взятки—не одинокое преступление: они—неизбежное следствие того порядка вещей, благодаря которому вы живете и щеголяете... Корень, на котором растет этот цветок, нужно вырвать, а на цветок бесполезно и нападать, если беречь корень»... (Полн. собр сочинений, т. II, стр. 522).

В рецензии на «Стихотворения Огарева» (1856 г.) Чернышевский, путем намеков и косвенных аналогий, выразил свое отношение к дворянской революционности. Сведущему читателю было известно, что Огарев являлся ближайшим другом Герцена, имя которого было тогда запрещено. Чернышевский, говоря об Огареве, напоминает о его «друзьях» 40-х годов. Цитируя стихотворение Огарева «Старый дом», где говорится о молодых революционных порывах Герцена и Огарева, Чернышевский сочувственно подчеркивает, что эти строки «принадлежат истории». Однако рядом с выражением признательности у Чернышевского здесь же проявляется мысль и о бессилии и недостаточности дворянских деятелей 40-х годов, как вождей общества. Отмечая скептицизм в «Монологах» Огарева, Чернышевский жалеет, почему у передовых людей 40-х годов нет должной энергии и убежденности в победных силах человеческого разума: «Онегин сменился Печориным, Печорин—Бельтовым и Рудиным. Мы слышали от самого Рудина, что время его прошло; но он не указал нам еще никого, кто бы заменил его. и мы еще не знаем, скоро ли мы дождемся ему преемника. Мы ждем еще этого преемника, который, привыкнув к истине в детстве, не с трепетным экстазом, а с радостной любовью смотрит на нас; мы ждем такого человека и его речи, бодрейшей, вместе спокойнейшей и решительнейшей речи, в которой слышалась бы не робость теории перед жизнью, а доказательство, что разум может владычество-

вать над жизнью, и человек может свою жизнь согласить со своими убеждениями» (Полн. собр. сочин., II, стр. 538).

В этих словах уже проявляется недоверие Чернышевского к возможностям революционных качеств в среде дворянской интеллигенции. Шатание и упадок, компромиссность и половинчатость желаний и решений в этой среде здесь уже предусматриваются Чернышевским и противопоставляются качествам светлого оптимизма и несокрушимой воли нового революционного борца-демократа.

По мере развития деятельности Чернышевского, по мере обнаружения его материалистических и революционно-демократических воззрений, со стороны дворянского лагеря «Современника» к нему все более и более возрастала неприязнь и ожесточение. Выше говорилось о неприязни, с какою были приняты самые первые выступления Чернышевского в «Современнике». Эта неприязнь особенно усилилась после опубликования «Эстетических отношений». Тургенев, выражая благодарность за статью против Чернышевского, помещенную в «Отечественных Записках», писал в письме к Краевскому: «Давно я не читал ничего, чтобы меня так возмутило. Это хуже, чем дурная книга; это—дурной поступок». В письмах к Панаеву и к Дружинину Тургенев тогда же называл книгу Чернышевского «гнусной мертвечиной», «порождением злобной тупости и слепоты» и посылал ей всяческие проклятья.

Летом 1855 года в имении Тургенева его гостями Григоровичем, Боткиным и Дружининым вместе с самим Тургеневым был сочинен насмешливый фарс, где издевательски изображался Чернышевский под именем Чернушкина. Григоровичем этот пасквиль был оформлен в повесть «Школа гостеприимства», напечатанную в «Библиотеке для чтения» (1855 г., № 9).

Дружинин, некоторое время продолжавший печатать свои критические статьи в журнале «Современник» одновременно со статьями Чернышевского, здесь же на страницах общего журнала позволял себе прямые выпады и намеки против его идей и оценок. Л. Толстой, вошедший в состав сотрудников «Современника» с осени 1855 года,

принял сторону врагов Чернышевского и вместе с Дружининым и Боткиным старался влиять на Некрасова против Чернышевского, все более и более овладевавшего литературно-критическим отделом журнала. Чернышевского старались удалить из «Современника» и заменить снова тем же Дружининым или Аполлоном Григорьевым.

Некрасов, несмотря на некоторые колебания, все же неуклонно сближался с Чернышевским все тесней.

13 августа 1856 года Некрасов, выезжая за границу, свои обязанности поручил Чернышевскому. До сих пор заместителем Некрасова всегда оставался Тургенев. Рост влияния Чернышевского в редакции «Современника» вызывал новые нападки против него со стороны его противников.

Тургенев в письме жалуется, что «Современник» «в плохих руках», что он «не то выдохся, не то воняет», что вообще ему редакция «Современника» «противна». Толстой сторонится от журнала и тяготеет к Дружинину и Боткину. Островский, Григорович, Тургенев и Толстой, взявшие перед журналом определенные обязательства, нарушают их и почти ничего в журнале не помещают. Разрыва еще не было, но отношения явно клонились к полному расхождению.

VI.

В конце 1857 года последовали царские рескрипты (распоряжения), результатом которых явилось учреждение губернских комитетов для «составления по каждой губернии подробного проекта об устройстве и улучшении быта помещичьих крестьян». Губернские комитеты состояли из одних помещиков. Власти и сами помещики при этом заботились, чтобы обсуждение протекало по возможности скрыто, тем не менее в печати стало возможным выражать мнение о крепостном праве и, до известной степени, о тех путях, по которым должна пойти реформа.

Косвенно Чернышевский и раньше в замаскированной форме касался этого вопроса. Скрыто он проводил мысль о том, что крепостное право составляло основное зло русской жизни. Например, в рецензии на книгу В. Воронина «Дворяне-благотворители» (1856) Чернышевский подчерк-

нул, что «благостояние и нравственность поселян» после их освобождения от барской зависимости быстро улучшаются. В статье «О «Статистическом описании Киевской губернии» И. Фундукля (1856) Чернышевский путем цифровых данных ясно показывал губительность крепостничества даже для тех крестьян, жизнь которых протекает в самых благоприятных условиях со стороны природы. Мысль о бедственном положении крестьянства под барским произволом и о необходимости полной ликвидации крепостного права довольно прозрачно выражена была также в рецензии на роман Григоровича «Переселенцы» (1857). В защиту крестьянства против крепостничества Чернышевский не один раз высказывался в «Заметках о журналах» (1856—7 гг.).

Царские рескрипты, появившиеся в конце 1857 года, вызвали у Чернышевского очень большие надежды на возможность действительного улучшения жизни крестьян после осуществления реформы. Он в статье «О новых условиях сельского быта» (начало 1858 года) очень горячо приветствовал эти рескрипты как начало дела «всемирно исторического значения».

В первоначальную пору подготовки реформы еще надо было воевать за самую мысль о вредности крепостного права в самой общей постановке этого вопроса. И первая статья Чернышевского об этом («О новых условиях сельского быта») всей силою разоблачающей аргументации направлена была к тому, чтобы показать исторический вред русского крепостного права вообще.

В последовавших затем многочисленных статьях по крестьянскому вопросу, печатавшихся в «Современнике», Чернышевский много писал о «выкупе» земли и о «вознаграждении» помещиков, стремясь всякий раз возможно более снизить нормы «выкупа» сравнительно с теми, которые ставились самими помещиками, в том числе и самыми либеральными. Но и на этих минимальных выкупных нормах Чернышевский останавливался лишь вынужденно. К этому его обязывала вся обстановка происходившей борьбы. Вычисления Чернышевского были, несомненно, рассчитаны только на агитационный эффект при тех цензурных

условиях. Лишь намеками в замаскированной форме Чернышевский в легальных журнальных статьях того времени мог проводить свою конечную мысль о ненужности и несправедливости какого бы то ни было выкупа. Так, в статье «Материалы для решения крестьянского вопроса» («Современник», 1859, 10) Чернышевский, давая проблеме выкупа юридическую постановку, доказывал юридически необоснованность всяких выкупных платежей. Апеллируя к «национальному чувству», т. е. к сознанию крестьян, Чернышевский подчеркивал, что в спорах «нации» (т. е. крестьянства) о том, останутся ли господские поля и луга за помещиком или также отойдут к крестьянам, «о выкупе не бывает и помина». С полной откровенностью Чернышевский не мог высказаться и здесь, поэтому статья заканчивается опять минимальными выкупными расчетами. Подобные же намеки на несправедливость выкупа в пользу помещиков имеются и в других местах легальных статей Чернышевского (см., напр., «Труден ли выкуп земли», 1859; «Устройство быта помещичьих крестьян», 1859, № 7 и др.).

Лишь впоследствии, в романе «Пролог», написанном в Сибири, Чернышевский высказался об этом совершенно прямо.

По ходу подготовки реформы Чернышевский очень скоро понял, что до тех пор, пока решение вопроса о крепостном праве находится в руках помещиков, будут ли они консерваторами или либералами, угнетенное положение трудового народа не изменится, эксплуататорская система останется, и только революционное свержение всего существующего строя даст крестьянам волю и землю.

Ближайшее отношение к крестьянскому вопросу имели многочисленные статьи Чернышевского о русской общине. Первые высказывания об этом были сделаны Чернышевским в «Заметках о журналах» (1857 г. № 4) по поводу статей Чичерина о происхождении русской сельской общины. В тех же «Заметках», в 5 номере «Современника», Чернышевский дал оценку мнениям славянофилов о том же. В 7 номере «Современника» Чернышевский поместил большую статью о книге Такстгаузена «Исследования о внутрен-

них отношениях, народной жизни и в особенности сельских учреждений России».

В еще более развернутом виде свои взгляды Чернышевский представил в обширной статье «О поземельной собственности», написанной в качестве ответа на возражения И. Вернадского. Полемику о русской общине Чернышевский продолжал и далее в 1858 и 1859 годах. Как увидим ниже, высказывания Чернышевского в различное время об общине имели неодинаковый политический смысл.

Чернышевскому представлялось, что Россия, сохраняя общину, по сравнению с Западной Европой, находится в более выгодном состоянии для достижения социалистических общественных форм. «Введение лучшего порядка дел чрезвычайно затрудняется в Западной Европе безграничным расширением прав отдельной личности. На Западе личность привыкла уже к безграничности частных прав»... Там для установления коллективного (по терминологии Чернышевского «союзного») производства «надобно в целом народе, огромнейшая масса которого еще погрязает в невежестве и не привыкла к размышлению о своих обычаях, вселить новое убеждение, и не только вселить его, но и утвердить до такой силы, чтобы оно взяло верх над обычаями и привычками, которые чрезвычайно сроднились со всем образом жизни тех племен, надобно путем разумного убеждения перевоспитать целые народы» (Сочин., III, стр. 183—184).

Этих трудностей, считал Чернышевский, будет значительно меньше в России, где крестьянство издавна смстрит на землю, как на общинное владение, и до сих пор хранит привычки, связанные с этим принципом общинности. «Порядок дел, к которому столь трудным и долгим путем стремится теперь Запад, еще существует у нас, в могущественном народном обычае нашего сельского быта». Чернышевский верил, что русское общинное землевладение будет зачаточной формой социалистического общества, и Россия, таким образом, через общину, минуя капиталистическую стадию развития, перейдет непосредственно к социализму. В этом состоял утопизм в социальных воззрениях Чернышевского, который объяснялся неразвитостью капиталисти-

ческих производственных отношений в тогдашней России, отсутствием пролетариата, как активной революционной силы. По условиям отсталости русской общественной жизни Чернышевский не мог дойти до понимания законов развития общества, законов, которые теоретически обосновали основоположники марксизма. Он не мог видеть подлинной закономерной основы к созданию социалистических отношений. На этой почве возникла «—Вера в особый уклад, в общинный строй русской жизни; отсюда—вера в возможность крестьянской социалистической революции» (В. И. Ленин, т. I, стр. 168). В ту пору в передовом революционном движении «...демократизм и социализм сливались в одно неразрывное неразъединимое целое» (В. И. Ленин, там же, стр. 174).

В защите общины Чернышевский, безусловно, всегда резко отделял свою позицию от консерватизма помещиков-славянофилов, стремившихся обособить Россию от западноевропейской передовой науки и цивилизации и утверждавших в связи с этим, что общинное устройство является «прирожденной особенностью русского или славянского племени». Чернышевский видел в русской общине лишь сохранившуюся в результате отсталости России форму первобытного коллективного пользования землей.

Кроме того, непосредственный переход от общины к социализму Чернышевский считал объективно оправданным лишь для России. Европа, по его взглядам, должна притти к социализму своими путями, совершенно независимо от состояния и развития русской общины. Чернышевский беспощадно осуждал формулу Герцена о «русском социализме», призванном, будто бы, «обновить жизнь цивилизованного мира, внести в нее высшие элементы, которые сама она выработать не в силах». «Мы далеко не восхищаемся нынешним состоянием Европы,—писал Чернышевский,—но все-таки, полагаем, что нечем ей позаимствоваться от нас. Если сохранился у нас от патриархальных (диких) времен один принцип, несколько соответствующий условиям быта, к которому стремятся передовые народы, то ведь Западная Европа идет к осуществлению этого принципа

совершенно независимо от нас («О причинах падения Рима», 1861 г.).

Наконец, применительно к русской обстановке, важнейшей особенностью взглядов Чернышевского-демократа на развитие и роль общины является революционность его программы. В 1857 и до конца 1858 года Чернышевский защищал общинный принцип как гарантию благосостояния крестьянства, без указания на необходимость предварительного политического переворота, устанавливающего гражданскую независимость крестьянства и переводящего землю в его полное обладание. Но уже с конца 1858 г. с утопической мыслью о возможности непосредственного перехода через общину к социализму Чернышевский соединял безусловное требование предварительного революционного ниспровержения самодержавия и крепостничества. Община, по его убеждениям, могла явиться основой социалистического общества только при условии победы крестьянской революции.

Когда вместе с ходом подготовки реформы Чернышевскому стало ясно, что затеваемое правительством «освобождение» крестьян оставляет земли в руках помещиков, что крестьянство, попрежнему оставаясь под гнетом крепостнического режима, ни в какой степени не получит должного простора ни в землепользовании, ни в общинном самоуправлении, тогда прежняя борьба за безусловное сохранение общины для него потеряла всякий смысл. «Я стыжусь самого себя,—писал Чернышевский в декабрьской книжке «Современника» за 1858 год.—Мне совестно вспоминать о безвременной самоуверенности, с которой поднял я вопрос об общинном владении. Этим делом я стал безрассуден,—скажу прямо,—стал глуп в своих собственных глазах» («Критика философских предубеждений против общинного землевладения». Полн. собр. соч., т. IV, стр. 304). И далее Чернышевский разъясняет, что он теперь понял, что благотворность общинного владения могла бы осуществиться только при условии «принадлежности ренты тем самым лицам, которые участвуют в общинном владении», и при условии необремененности лиц, получаю-

щих ренту «кредитными обязательствами, вытекающими из самого ее получения», т. е., иначе говоря, при условии полного и безвозмездного перехода земли в руки крестьянства.

Ему теперь стало совершенно ясно, что в реформе, в которой считались только с интересами помещиков, это условие не могло быть соблюдено. Поэтому Чернышевский при данных условиях считал бесполезным защищать не только общинное землевладение, но и всю реформу в целом. Все его надежды на улучшение крестьянской жизни связываются теперь только с ожиданием революционного восстания крестьянства.

«Чернышевский,—писал об этом Ленин,—был социалистом-утопистом, который мечтал о переходе к социализму через старую, полуфеодальную, крестьянскую общину, который не видел и не мог в 60-х годах прошлого века видеть, что только развитие капитализма и пролетариата способно создать материальные условия и общественную силу для осуществления социализма». «Но,—прибавлял к этому Ленин,—Чернышевский был не только социалистом-утопистом. Он был также революционным демократом, он умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя—через препоны и рогатки цензуры—идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей» (В. И. Ленин. Собр. сочин., т. XV, стр. 144).

Помещичьи либеральные предложения передачи крестьянам земли за выкуп представляются ему только обманом, затушевывающим компромисс с крепостниками, и он их считает более вредными, чем открытое крепостничество. Чем более обнаженно и нагло повело бы себя крепостничество, тем яснее была бы для народа подлинная сущность помещичьего «освобождения» крестьян, тем скорее крестьянство само поднялось против своих угнетателей. Такая мысль была высказана Чернышевским уже в конце 1858 года в примечании к статье П. В. Долгорукова: «Нет, лучше уж вовсе не давать ничего, ни земли полевой, ни усадеб, нежели давать земли в таком урезанном, ни на что негодном количестве. Тогда, по крайней мере, он (крестьянин)

хотя будет прямо знать, какая судьба ему готовится» (Статья П. В. Долгорукова и примечания к ней Чернышевского в свое время напечатаны не были. «Каторга и ссылка», 1928, № 7/44, стр. 19).

«Чернышевский понимал, что русское крепостническо-бюрократическое государство не в силах освободить крестьян, т. е. ниспровергнуть крепостников, что оно только и в состоянии произвести «мерзость», жалкий компромисс интересов либералов (выкуп—та же покупка) и помещиков, компромисс, надувающий крестьян призраком обеспечения и свободы, а на деле разоряющий их и выдающий головой помещикам. И он протестовал, проклинал реформу, желая ей неуспеха, желая, чтобы правительство запуталось в своей эквилибристике между либералами и помещиками, и получился крах, который бы вывел Россию на дорогу открытой борьбы классов» (В. И. Ленин. Собр. сочин., изд. 3, т. I, стр. 179—180).

В напечатанных легальных статьях Чернышевского эта точка зрения проявляется с конца 1859 года. Вспоминая о бесчисленных писателях, «которые вдруг обнаружили благороднейшее негодование против бедствия, имевшего привилегию столь долго не вызывать никаких порицаний», Чернышевский замечает: «Мы сами грешили этими внезапными вспышками благородства... и теперь не можем не краснеть вспоминать о тогдашних наших «подвигах» («Суеверия и правила логики», 1859). Теперь он считает крепостное право лишь «одним из множества элементов», «ослабляющих народную энергию». Главную вину дурного состояния народной жизни теперь он указывает в «азиатской обстановке жизни», в «азиатском устройстве общества» в «азиатском порядке дел», поясняя сейчас же, что термин «азиатство» он употребляет лишь потому, что «на русском языке» нет возможности выразиться более определенно. Стране нужно радикальное переустройство: «Больной должен изменить весь образ жизни, чтобы исправился расстроившийся основной процесс организма».

Более отчетливо Чернышевский в подцензурной печати, конечно, не мог выразиться.

Окончательно убедившись в подлинном эксплуататорском характере предпринятой реформы, Чернышевский совсем перестал говорить о ней. Его последняя статья по крестьянскому вопросу помещена в № 10 «Современника» за 1859 год. Позднее в романе «Пролог» Чернышевский словами Волгина обозначал смысл этого молчания совершенно определенно: «Я не желаю, чтобы делались реформы, когда нет условий, необходимых для того, чтобы реформы производились удовлетворительным образом». «Я не нахожу причин горячиться даже из-за того, будут или не будут освобождены крестьяне; тем меньше из-за того, кто станет освобождать их—либералы или помещики. Или помещики даже лучше». «...Пусть дело об освобождении крестьян будет передано в руки людям помещичьей партии. Разница не велика». «Была бы разница колоссальная, если бы крестьяне получили землю без выкупа»... «Выкуп та же покупка. Если сказать правду, лучше пусть будут освобождены без земли»...

«Нужна была именно гениальность Чернышевского,— писал В. И. Ленин по этому поводу, — чтобы тогда, в эпоху самого совершения крестьянской реформы (когда еще не была достаточно освещена она даже на Западе), понимать с такой ясностью ее основной буржуазный характер,—чтобы понимать, что уже тогда в русском «обществе» и «государстве» царили и правили общественные классы, бесповоротно враждебные трудящемуся и безусловно предопределявшие разорение и экспроприацию крестьянства» (Ленин, Сочин., т. I, стр. 184).

Большое место в публицистической деятельности Чернышевского в 1858—1860 гг. занимали вопросы западноевропейской политической жизни. В 1858 году им были опубликованы работы «Кавеньяк», «Борьба партий во Франции при Людовике XVIII и Карле X», «Тюрго», «Вопрос о свободе журналистики во Франции». В 1859 году в книжках «Современника» в ежемесячной последовательности печатались двенадцать политических обзоров западноевропейской современности. В 1860 году была написана и напечатана крупная работа «Июльская монархия».

Внешне-политические обозрения Чернышевского проникнуты враждою к реакционным и либеральным партиям и насыщены намеками применительно к политической борьбе, протекавшей в России. Характеризуя, например, деятельность неаполитанского либерала Поэрио, Чернышевский показывает, что при всей личной честности, его поведение было обречено на неудачу в силу приспособленческой уступчивости и боязни вступить на путь революционной борьбы («Политика», март, 1859 г.).

В характеристике реформаторских планов австрийского правительства Чернышевский подчеркивает, что эти планы возникли только благодаря неудачам Австрии в войне с Италией, что предполагаемые реформы нисколько не «касаются основной причины зла», нисколько не стремятся ограничить «произвол» и обеспечить «участие граждан в правительстве» (1859 г., сентябрь). Все это очень легко всяким читателем применялось к положению русского «реформаторства» после Крымской войны.

В анализе западных политических партий и группировок, указав на разделение европейского общества на две половины—«одна живет чужим трудом, другая своим собственным, первая благоденствует, вторая терпит нужду»—и соответственно охарактеризовав три основные политические группы: консерваторов, модерантистов и революционеров, Чернышевский, чтобы подчеркнуть свои симпатии к революционерам, заканчивает эту характеристику так: «Читатель, вероятно, будет так деликатен, что не станет спрашивать, какая из этих трех партий более нравится нам, а если бы он стал требовать ответа на такой вопрос, мы были бы поставлены в самое щекотливое положение, потому что ответ наш очень компрометировал бы нашу репутацию»... И далее с откровенной насмешливостью иронически выхваляет «реакционеров и обскурантов» как «самых надежных и основательных» (1859, август). Так Чернышевским преодолевались «препоны и рогатки» цензуры.

Положительной стороной статей Чернышевского о политической жизни Западной Европы является освещение

политической борьбы, как борьбы классов. Ведущей и решающей силой Чернышевский считал народные массы («массы простолюдинов», — по его терминологии). «Простолюдины, — писал он, — давали силу людям, низвергнувшим старинное французское устройство в конце прошлого века» (имеется в виду буржуазная французская революция 1789 года). «Они же давали силу Наполеону, пока считали его защитником от возвращения старого порядка. Когда они убедились, что Наполеон действует в свою, а не в их пользу, они покинули его, и только это охлаждение масс к Наполеону дало возможность низвергнуть его в 1814 году». При этом Чернышевский всюду подчеркивает, что силой, поднимающей народные массы к борьбе, являются не какие-либо отвлеченные идеологические побуждения, а материальные интересы жизни, материальная неустраенность и страдания от голода, нужды и бесправия.

Успех всяких революционных выступлений Чернышевский ставит также в неперемнную зависимость от степени участия в них широкой народной массы. Дело освобождения народа может быть прочным только тогда, когда совершается напором его собственной энергии. Бесплодность для блага народа революционной борьбы во Франции Чернышевский считает результатом недостаточной политической сознательности и подготовленности масс, мало понимающих существо своих собственных интересов. В революционных попытках республиканцев «простолюдины могли принять участие только тогда, если бы предварительно были расположены к борьбе или долгою агитациею, или какими-нибудь особенными обстоятельствами» («Июльская монархия»). Революционеры не учли того обстоятельства, что «масса привыкла жить рутиной, привыкла быть апатична, привыкла доверять господствующим над нею людям». Нужно уметь разъяснять массам подлинные их потребности, нужно достичь того, чтобы массам понятна была связь между их нуждами и данным политическим выступлением. Недостаточная подготовленность масс вызвала крах революционного движения во Франции 1848—1851 года. Массы, кроме сравнительно небольших групп, остава-

лись инертны. В результате, в деле освобождения народа оказались действующими не те силы, которым оно действительно было дорого. Политические стремления республиканцев не были связаны с удовлетворением подлинных потребностей масс («Кавеньяк»). Дело народа оказалось в чужих руках, потому и закончилось расправой Кавеньяка и государственным переворотом 2 декабря 1851 г. «...Дела пошли прежним порядком; правители приказывают, а вся Франция слушается, — то же самое, что было при Луи-Филиппе, только формы приказаний несколько изменились» (Сочин., VI, стр. 492).

Все эти мысли, высказанные Чернышевским применительно к западно-европейским событиям, имели ближайшее отношение к русской современности. Указания на зависимость успеха всякой государственно-политической деятельности от понимания и подлинного удовлетворения потребностей народных масс адресовались Чернышевским несомненно и царю, и правительству (через аналогии с Карлом X и Кавеньяком), и русским либералам (через аналогии с партией «умеренных республиканцев»). Н. Г. Чернышевский умело использовал каждую возможность для пропаганды идей революции. Всякое событие на Западе, рост революционного движения в Западной Европе, являлось для Н. Г. Чернышевского поводом для того, чтобы пропагандировать свои революционные идеи, будить революционную мысль, звать массы к революционной борьбе, готовить свержение самодержавия.

Анализируя условия революционных выступлений на Западе, Чернышевский в статье «Июльская монархия», несомненно, выражал свои мысли применительно к возможности революции в России. Чернышевский здесь утверждал, что народ к революционной борьбе должен быть подготовлен «или долгою агитациею или какими-нибудь особенными обстоятельствами» (Сочинения, изд. ГИЗ, т. I, стр. 407). Видя необходимость революции в России и стремясь к ней, Чернышевский не находил здесь в данное время этого главного условия—революционной настроенности масс. Прямого выражения революционных ожиданий и сомнений,

конечно, в печати не могло быть, но косвенные данные определенно указывают, что в эту пору Чернышевский, несомненно, страдал от бессилия и неподготовленности народных масс в России к революции, в которой он видел единственный выход к устройству разумной жизни народа.

Впоследствии, находясь уже в Сибири, Чернышевский, вспоминая это время, в романе «Пролог» выразил словами Волгина свою грусть о политической слепоте и отсутствии революционности в массах народа. Волгин здесь говорит о «нации рабов», о неспособности русского «поддерживать вступающихся за него», о покорной подчиненности русских людей полицейским окрикам и неспособностью к протесту. В статье «О национальной гордости великороссов» В. И. Ленин, цитируя эти слова Волгина, говорит: «Мы помним, как полвека тому назад великорусский демократ Чернышевский, отдавая свою жизнь делу революции, сказал: «Жалкая нация, нация рабов, сверху донизу — все рабы». Откровенные и прикровенные рабы — великороссы (рабы по отношению к царской монархии) не любят вспоминать об этих словах. А, по нашему, это были слова настоящей любви к родине, любви, тоскующей вследствие отсутствия революционности в массах великорусского населения. Тогда ее не было. Теперь ее мало, но она уже есть (статья писалась В. И. Лениным в 1914 году.—А. С.). Мы полны чувства национальной гордости, ибо великорусская нация тоже создала революционный класс, тоже доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм» (Ленин. Собр. соч., изд. 3, т. XVIII, стр. 81. Подчеркнуто мною.—А. С.).

До 1858 года в журнале продолжалось совместное сотрудничество буржуазно-дворянских либералов и демократов-разночинцев. К началу года еще было в силе соглашение редакции с Тургеневым, Григоровичем, Островским и Толстым об их исключительном сотрудничестве в журнале. Хотя соглашение уже и тогда не давало почти никаких реальных последствий, тем не менее фактического разрыва еще не было. Преобладание в журнале к этому времени принадлежало уже разночинцам-демократам. В связи с оживле-

нием общественной жизни читательские интересы явно переместились от беллетристики в сторону публицистики.

Кроме статей Чернышевского, в журнале с 1857 года регулярно шли статьи его соратника и близкого друга Добролюбова. Силою своих знаний, искренностью и прямо-той демократических убеждений и исключительной талантливостью Чернышевский и Добролюбов к этому времени завоевали огромный успех и влияние в читательской среде. Все попытки буржуазно-либеральных деятелей вытеснить Чернышевского и вернуть журналу прежнее направление не имели успеха. Общая социально-политическая ситуация давала демократам крепкую почву. Некрасов все более и более определенно склонялся к Чернышевскому и Добролюбову.

В 1858 году происходит решительное размежевание революционных демократов с либерально-дворянским лагерем. Прямой поход против либералов был открыт Чернышевским. В мартовской книжке журнала «Атеней» была напечатана статья Чернышевского «Русский человек на rendez-vous», написанная по поводу повести Тургенева «Ася». Герой повести, дворянин, в решительный момент объяснения с Асей трусит, колеблется и отступает. Чернышевский, анализируя поведение героев, дает обобщенную уничтожающую характеристику всех дворянских, так называемых «лишних людей». Эти «лишние люди» (Онегин, Печорин, Бельтов, Рудин) в самом дворянстве считались представителями лучших людей, своеобразными протестантами, страдающими от своего превосходства над обществом и от отсутствия хороших общественных условий для полезного применения их блестящих талантов. Чернышевский же показывает волевою дряблость героя тургеневской повести и всех других «лишних людей» и делает вывод об их общей неспособности действовать не только в сфере личных чувств, но и в общественных выступлениях, констатируя тем самым их совершенную общественную негодность и бесполезность. Чернышевский заявляет, что с этими людьми невозможно вести какое-нибудь общее дело. «Нам все кажется,—писал здесь Чернышевский,—будто он («лишний человек») оказал

какие-то услуги нашему обществу, будто он представитель нашего просвещения, будто он лучший между нами, будто бы без него было бы нам хуже. Все сильнее и сильнее развивается в нас мысль, что это мнение о нем пустая мечта, мы чувствуем, что недолго остается нам находиться под его влиянием, что есть люди лучше его, именно те, которых он обижает; что без него нам было бы лучше жить» (Полн. собр. сочинений. т. I, стр. 100).

Либералы, прежние хотя и ненадежные союзники, таким образом отбрасывались, как вредный хлам. Демократам с ними было не по пути.

В 1859 году произошло столкновение с Герценом, находившимся в ту пору в полосе «отступления от демократизма к либерализму» (В. И. Ленин, т. XV, стр. 467). Поводом к столкновению явилось осуждение журналом «Современник» (во главе с Чернышевским и Добролюбовым) либерально-обличительной литературы того времени. С точки зрения революционно-демократических стремлений либеральное обличительство, развившееся тогда в литературе, являлось вредным делом, так как стремления указать и исправить отдельные частные недостатки русской жизни затушевывали основную губительность всей самодержавно-крепостнической системы. Либеральная сатира нападала «не на основу зла, не на принцип, а только на злоупотребления того, что в наших понятиях есть уже само по себе зло». Такая сатира «не хотела видеть коренной дрянности того механизма, который старалась исправить» (слова Добролюбова, сказанные по поводу сатиры XVIII века. Сочин. Добролюбова, т. II, 1935, стр. 166).

Герцен в эти годы предреформенной борьбы занимал колеблющуюся позицию. Он надеялся на улучшение народной жизни в России силою и волею высшей власти и дворянства, и потому не разделял революционной тактики вождей «Современника». Он заступился за либеральное обличительство, поместив в своем заграничном издании «Колокол» резко полемическую статью *Very dangerous* («Весьма опасно»). Общий смысл статьи сводился к защите современного либерализма в России, нападки на который,

по Герцену, могли только содействовать успехам самой махровой реакции. Статья заканчивалась демагогическим намеком на возможность получения журналом «Современник» награды от правительства, подобно прежним оголтело-реакционным изданиям Булгарина и Греча. «Милые паяцы наши забывают,—писал Герцен,—что по этой скользкой дороге можно досвистаться (намек на сатирический «Свисток» «Современника»—А. С.) не только до Булгарина и Греча, но (чего, боже, сохрани) и до Станислава на шею».

Естественно, статья Герцена вызвала большое возмущение в «Современнике». Для непосредственного выяснения отношений с Герценом Чернышевский в июне 1859 года совершил специальную конспиративную поездку в Лондон. О содержании бесед Чернышевского и Герцена при свидании точных сведений не сохранилось. По косвенным данным можно судить, что Чернышевский пытался убедить Герцена в необходимости встать на прямой путь революции, но безуспешно. Чернышевскому только ясней стал либеральный уклон в позиции Герцена.

С другой стороны, и Герцен яснее почувствовал непримиримость Чернышевского-демократа. «Нас грешных они совсем похоронили»,—говорил Герцен (по воспоминаниям Благосветлова). Герцен не понял и не принял упреков Чернышевского: «Ну, только, кажется, уж очень они торопятся с нашей отставкой—мы еще поживем».

Одним из последствий выяснившейся непримиримости революционной демократии с позицией и тактикой Герцена явилось «Письмо из провинции», подписанное «Русский человек» и напечатанное в герценовском «Колоколе» 1 марта 1860 года. Современник Чернышевского А. Слепцов утверждал, что это письмо было написано самим Чернышевским. Однако, имеются очень серьезные основания сомневаться в правильности его показания. Все же представляется совершенно несомненным, что автор письма был близок к «Современнику», и выраженные в нем взгляды отражали те воззрения, которые разделялись Чернышевским. Суть расхождений демократов с Герценом здесь формулируется очень четко.

Автор письма укоряет Герцена в его связях с русскими либералами и в наивных надеждах на добрые намерения царя. «Помещики-либералы, либералы-профессора, литераторы-либералы убаюкивают вас надеждами на прогрессивные стремления нашего правительства. Но не все же в России обманываются призраками». Автор напоминает Герцену, что дело крестьян вручено помещикам, что «крестьяне и либералы идут в разные стороны». Письмо заканчивается призывом оставить иллюзорные надежды на добрую волю царя и помещиков и встать на путь революционной борьбы. «Нет не обманывайтесь надеждами и не вводите в заблуждение других, не отнимайте энергии, когда она многим пригодилась бы... Наше положение ужасно, невыносимо, и ничего, кроме топора, не поможет!.. Вы все сделали, что могли, чтобы содействовать мирному решению дела, перемените же тон и пусть ваш «Колокол» благовестит не к молобну, а звонит набат! К топору зовите Русь. Прощайте и помните, что сотни лет уже губит Русь вера в добрые намерения царей. Не вам ее поддерживать».

Герцен не внимал этим призывам и враждебную полемику с группой «Современника» продолжал далее. В редакционной заметке к «Письму из провинции» он упрекал сторонников революционной тактики в «односторонности», хотя и вызванной «любовью к народу русскому», но для него неприемлемой. «К топору, этому *ultima ratio* (т. е. последнему доводу.—А. С.) притесненных,—пишет он,—мы звать не будем до тех пор, пока останется хоть одна радужная надежда на развязку без топора».

Лишь позднее, после того, как крестьянская реформа совершилась, и ее грабительский характер стал совершенно очевиден, Герцен покончил со своими колебаниями и встал на революционный путь, порвал с либералами (в частности, с Кавелиным и Тургеневым) и окончательно склонился к демократизму («...При всех колебаниях Герцена между демократизмом и либерализмом, демократ все же брал в нем верх». В. И. Ленин. Собр. сочин., XV, стр. 467).

В «Современнике» с Тургеневым окончательно порвались всякие связи еще раньше. Нараставшее взаимное

отчуждение ясно обнаружилось вместе с появлением статьи Добролюбова о романе Тургенева «Накануне» (1859 г.). Добролюбов подчеркнул свою отрицательную оценку прежних героев Тургенева, «людей рудинского закала» и, отметив новизну и положительное значение нового героя Инсарова, указал на неумение автора «Накануне» «поставить своего героя лицом к лицу с самим делом,—с партиями, с народом, с чужим правительством, со своими единомышленниками, с вражеской силой»... «Впрочем,—прибавляет Добролюбов,— автор наш вовсе не хотел, да, сколько мы можем судить по его прежним произведениям, и не в состоянии был бы написать героическую эпопею». Были в статье и другие моменты, которые не могли понравиться Тургеневу.

В рецензии о книге Готорна «Собрание чудес, повести, заимствованные из мифологии» (1860) Чернышевский упрекнул Тургенева в бесхарактерности и дряблой нерешительности, проявленных им в создании образа Рудина.

После этой рецензии Тургенев прислал письмо Панаеву (одному из редакторов «Современника») об окончательном отказе состоять в числе сотрудников «Современника».

Несколько позднее о разрыве Тургенева с «Современником» Чернышевский писал: «Наш образ мыслей прояснился для г. Тургенева настолько, что он перестал одобрять его. Нам стало казаться, что последние повести г. Тургенева не так близко соответствуют нашему взгляду на вещи, как прежде, когда и его направление не было так ясно для нас, да и наши взгляды не были так ясны для него. Мы разошлись» («Полемические красоты». «Современник» № 6, 1861).

VII

Между тем революционное напряжение в стране нарастало. Крестьянство, превращенное крепостниками в рабов, взволнованное ожиданием «воли», все чаще отказывалось от подчинения помещикам. Для передовой интеллигенции становился все более ясным крепостнический характер предпринятой реформы. Деятельность правительственной редакционной комиссии, занятой окончательным

формулированием нового закона о крестьянах, принимала все более реакционное направление и возбуждала критику не только среди трудящихся, но и в кругу буржуазии, а также и в значительной части дворянства.

5 марта 1861 года был опубликован манифест об «освобождении». Известно, что самим народом и всеми теми, кто разделял интересы народа, новый закон об устройстве крестьян был встречен глубоким недовольством. Крестьяне не хотели принимать дарованной «воли». Повсеместно происходили крестьянские восстания, жестоко подавляемые военной силой. Интеллигенция требовала политических реформ. Возникали тайные кружки революционеров. Появились прокламации, призывающие к восстанию. В Польше и Финляндии развертывалась национально-освободительная борьба. Общее состояние России заставляло предполагать революцию совсем близкой. К этому надо прибавить, что и вся европейская обстановка содействовала подъему революционных ожиданий. В Италии Гарибальди готовил наступление на Рим. Во Франции оживлялась республиканская агитация, усиливалась либеральная партия, правительство вынуждалось к уступкам. В Пруссии создавались конституционные затруднения, угрожающие революционным взрывом. Ясно ощущалась революционная возможность в Австрии, понесшей тяжелое поражение в войне с Италией. «Оживление демократического движения в Европе, польское брожение, недовольство в Финляндии, требование политических реформ всей печатью и всем дворянством, распространение по всей России «Колокола», могучая проповедь Чернышевского, умевшего и подцензурными статьями воспитывать настоящих революционеров, появление прокламаций, возбуждение крестьян, которых «очень часто» приходилось с помощью военной силы и с пролитием крови заставлять принять «Положение», обдирающее их, как липку, коллективные отказы дворян — мировых посредников применять такое «Положение», студенческие беспорядки — при таких условиях самый осторожный и трезвый политик должен был бы признать революционный взрыв вполне возможным и крестьянское вос-

станции — опасностью весьма серьезной» (В. И. Ленин. Сочинения, изд. 3, т. IV, стр. 126).

В этой обстановке голос Чернышевского приобретал еще большее влияние. В его статьях формулировались чаяния и ожидания народа, указывались пути политической революционной борьбы, открывались принципы философской и экономической теории, идейно вооружающей революционную демократию на борьбу с феодальными порядками во всех областях.

В области философской теории большое значение имела статья «Антропологический принцип в философии» («Современник», 1860 г., 4 и 5 кн.).

Чернышевский здесь очень проницательно характеризует социальную природу философской мысли, как выражение классовых политических интересов разных общественных групп.

Чернышевский смеется над наивными утверждениями, что философия может быть и должна быть «чуждой текущей политики». «Всякий, достигший какой-нибудь умственной самостоятельности, имеет политические убеждения, судит обо всем по соображению с ними, — чем же виноват философ или политический теоретик, когда его образ мыслей не лишен смысла, какой есть в образе мыслей каждого из людей, просвещать которых он берется?»

Философская теория самого Чернышевского направлялась к обоснованию революционного демократизма.

Как и Фейербах, основной принцип своей философии Чернышевский называет «антропологическим», подчеркивая тем самым, что в центре объяснения всего существующего у него находится учение о человеке. Опираясь на естественные науки, Чернышевский заключает, что в основе всего существа человека, со всею совокупностью его физических и психических («нравственных») состояний, находится его физическая природа, «организм». Никакой особой чисто «духовной» инстанции в человеке не имеется. Человеческое сознание есть порождение соответственно организованной нервной системы. Poleмика с философским дуализмом составляет главную заслугу этой статьи

Чернышевского. Критика идеализма и религиозности явно направлялась против политики самодержавия и реакции.

Из основных материалистических положений Чернышевский выводил обоснование своих социально-этических идеалов. Однако в этой области, сказывается недостаточность фейербаховского материализма, которому следовал Чернышевский. «Нравственные» науки он стремится обосновать естествознанием. Нравственные и социальные стремления человека в понимании Чернышевского являются следствием потребностей его физиологической природы. С этой точки зрения Чернышевский подходил к обоснованию социалистических идеалов. Безусловно, такая попытка могла привести только к неудаче.

Поднявшись до материализма в области объяснения природы, Чернышевский, как и Фейербах, остался, в основном, идеалистом в области объяснения жизни и законов человеческого общества. Ленин, как нами указывалось выше (применительно к «Эстетическим отношениям искусства к действительности»), дал очень высокую оценку философским воззрениям Чернышевского, как врага и разоблачителя идеализма, агностицизма, субъективизма, как мыслителя, сумевшего остаться «на уровне цельного философского материализма». Но, давая эту высокую оценку Чернышевскому, Ленин прибавлял, что «Чернышевский не сумел, вернее, не мог в силу отсталости русской жизни, подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса».

Чернышевский опирался в своих построениях не на законы развития общества, а на метафизически понимаемые свойства н а т у р ы ч е л о в е к а в о о б щ е, не отдавая отчета, что так называемая «природа человека» сама является производной от общественного развития. Социалистический идеал им выводился не из закономерности развивающихся социальных противоречий, а, в конечном счете, из абстрактных расчетов, насколько известный общественный порядок соответствует отвлеченно понимаемой «природе человека». Учет подлинных потребностей «нормального» человека, по Чернышевскому, должен привести человечество к социализму. В этой философии «человек»

оказывался совсем лишенным конкретно исторических качеств. Построение будущей жизни выводилось из деятельности абстрактно понятого «разума». Все рассуждение оставалось, таким образом, идеалистическим.

Тем не менее статья «Антропологический принцип в философии» для своего времени имела огромное положительное значение. Так или иначе, но система воззрений Чернышевского, апеллируя к здравому смыслу человека, снимала все потустороннее, устраняла всякие провиденциальные цели в жизни человечества и тем самым разламывала всякие предписания религии, моральные запреты, препятствовавшие свободному революционному действию.

Большое революционизирующее значение имели также и примечания Чернышевского к «Основаниям политической экономии» Д. С. Милля. Чернышевский вскрывал буржуазную природу старой политической экономии. Подрывая принципы буржуазного собственности, он показывал перспективы социалистического развития и тем самым содействовал популяризации социалистических стремлений.

Чернышевский видел внутренние противоречия капиталистической формы хозяйства. Отмечая различия в интересах землевладельцев и предпринимателей капиталистов, Чернышевский обнажал общую для них эксплуататорскую сущность и одинаковую направленность их выгод против наемных рабочих.

Анализируя буржуазные экономические теории, Чернышевский принципиально разъяснял классовую природу их теоретических построений, имевших в виду защитить интересы капиталистов. Уничтожающему осмеянию Чернышевский подверг представителей вульгарной политической экономии, фальсификаторов, приспособляющих теорию в угоду фальшивому оправданию незыблемости капитализма. У таких теоретиков,—подчеркивает Чернышевский,—«интересы рабочих сословий постоянно забываются, кроме тех случаев, когда сталкиваются с интересами капиталистов, а в этих случаях постоянно приносят в жертву интересам капиталистов».

Недостатки экономической теории Чернышевского

вытекали из несовершенства его философского мировоззрения.

Победа интересов трудящегося народа, в которую он верил и которую предсказывал, по его мнению, должна явиться не результатом закономерного движения борьбы классов, а в силу роста правильного понимания выгод социалистического строя.

При всем том, экономическая теория Чернышевского, рассматриваемая в перспективе общественной борьбы в русской обстановке его времени, являлась огромным завоеванием, служившим делу демократической революции. Ниспровергая буржуазные теории, Чернышевский обосновывал необходимость защиты справедливых интересов трудящихся масс и содействовал распространению идей социализма.

В 1860—1861 годах в связи с ростом революционного возбуждения в стране Чернышевский ждал революцию в России. Несмотря на цензурный террор, он даже в подцензурных печатных статьях проводил мысль о возможности и закономерности революционной борьбы с самодержавием.

Аналогиями из иностранной жизни, косвенными намеками на сходные обстоятельства русской действительности, Чернышевский в майской книжке «Современника» за 1860-й год настойчиво подчеркивал бурно оживившуюся «гражданскую деятельность» итальянского народа, до сих пор в некоторых кружках считавшегося «отжившим» и «утратившим способность действовать энергично и настойчиво».

В статье «Французские законы по делам книгопечатания» проводилась мысль о невозможности остановить народное движение, если оно вызывается самими условиями жизни. «Нам кажется, что без достаточной причины не может произойти никакое потрясение или ниспровержение, да и вообще никакое действие; а если есть достаточные причины, то действие произойдет, как там ни хлопотать об устранении способов и поводов произойти ему: какие-нибудь способы и поводы представятся». (IX, стр. 170).

Отвечая на вопрос, когда особенно нужны для правительства стеснительные цензурные законы, Чернышевский указывает, что это бывает тогда, когда интересы правительства расходятся с интересами общества, а революционный взрыв приближается. Статья заканчивается многозначительным и прозрачным признанием, что в России такие законы теперь «нужны» (IX, стр. 156).

В 1861 году Чернышевский взял под свою защиту коллективное выступление студентов Петербургского университета, протестовавших против новых стеснительных правил. Горячо написанная статья «Научились ли?» разъясняла правомерность общественного протеста против насилия, подавляющего нормальные интересы. Столкновение студентов со своим начальством и полицией послужило частным примером к этой общей мысли. Защищая студенчество от обвинений в нежелании учиться, Чернышевский говорит о тех лишениях, которые приходится выносить русскому обществу в деле образования. Если студенты для защиты своих прав и желаний вышли на улицу, то к этому вынудило их насилие, которое они сами терпят. Реакционные газеты упрекали студентов, что они в «уличной борьбе» применяют «свистки» и «моченые яблоки». Чернышевский в ответ на это пишет: «свистки и моченые яблоки употребляются не как «уличные орудия»: «уличными орудиями служат: штыки, приклады, палаши; пусть вспомнит автор статьи, студентами употреблялись эти уличные орудия против когонибудь или употреблялись они против студентов и пусть скажет, если может, была ли нужда употреблять их против студентов?» (IX, стр. 180—181).

Оправдание революционных методов борьбы за благо родины было ясно выражено и в рецензии Чернышевского на книгу Г. Кэре «Политико-экономические письма к президенту Американских Соединенных Штатов» (1861). Чернышевский здесь, между прочим, говорит о Юдифи, иудейской библейской героине, спасшей город Вестилу. Юдифь прельстила полководца Олоферна, осадившего город, и, добившись доверия, отрубила ему голову.

Одобрив поступок Юдифи, Чернышевский поясняет:

«Исторический путь—не тротуар Невского проспекта; он идет целиком через поля, то пыльные, то грязные, то через болота, то через дебри. Кто боится быть покрытым пылью и выпачкать сапоги, тот не принимайся за общественную деятельность» (VIII, стр. 37—39).

Революционная точка зрения последовательно проводилась Чернышевским и в его высказываниях по национальному вопросу. В борьбе за национальную независимость Польши он видел огромный революционный смысл. «Пока народные массы России и большинства славянских стран спали еще непробудным сном, пока в этих странах не было самостоятельных, массовых, демократических движений, шляхетское освободительное движение в Польше приобретало гигантское, первостепенное значение с точки зрения демократии не только всероссийской, не только всеславянской, но всевропейской» (В. И. Ленин. «О праве наций на самоопределение». Собр. сочинен., изд. 3, т. XVII, стр. 457). И Чернышевский «умел оценить значение польского движения» (В. И. Ленин. Там же, примечание).

Чернышевский понимал классовую основу национального движения в Галиции. В статье «Национальная бестактность» (1861), разъясняя освободительное значение национального протеста в Галиции, он указывал, что русинский трудовой народ с одинаковой ненавистью относится как к польскому пану, так и к русинскому. «...Корень галицийского спора,—писал Чернышевский,—находится в сословиях, а не в племенных отношениях».

Из литературно-критических статей Чернышевского этого времени очень важное место занимает статья о Николае Успенском «Не начало ли перемены?» (1861). В статье выясняется разница в изображении крестьянства у таких писателей, как Григорович, Тургенев,—с одной стороны, и у Ник. Успенского, с другой. У тех крестьяне всегда рисуются «благородными, возвышенными, добродетельными, кроткими, умными...» Такое прикрашенное изображение мало отвечало подлинному положению вещей. Эта идеализация тогда оправдывалась стремлением возбудить к крестьянам сочувствие со стороны тех, от кого их жизнь

целиком зависела. Полезного тут было мало. Жизнь крестьянина попрежнему была связанной, попрежнему оставались все условия, сохраняющие в крестьянстве его дикость, невежество, умственную неразвитость, т. е. такие качества, которые являются неминуемым следствием рабской зависимости.

Теперь наступили времена иные. Н. Успенский откровенно и правдиво говорит о недостатках крестьянских нравов, о моральной нечистоте жизни крестьян, об их умственной темноте и пр. В этом новом, более правдивом описании крестьянства Чернышевский видит залог возможных изменений к лучшему. Это лучшее будет зависеть от самого народа. «Мы замечали, что резко говорить о недостатках известного человека или класса, находящегося в дурном положении, можно только тогда, когда дурное положение представляется продолжающимся только по его собственной вине и для своего улучшения нуждается только в его собственном желании изменить свою судьбу». Чернышевский ждет от народа активности. Он уверен в близости великих перемен, когда народ сам встанет на борьбу за свою лучшую жизнь. «Возьмите самого дюжинного, самого бесцветного, слабохарактерного, пошлого человека: как бы апатично и мелко ни шла его жизнь, бывают в ней минуты совершенно другого оттенка, минуты энергических усилий, отважных решений. То же самое встречается и в истории каждого народа» (VIII, стр. 357).

Чернышевский, как мы видели выше, считал, что народ к революционной борьбе должен быть подготовлен «или долгою агитацией, или какими-нибудь особенными обстоятельствами» («Июльская монархия»). Теперь, в 1861 году, Чернышевский полагал, что грабительская реформа поставила народные массы в эти невыносимые «особенные обстоятельства», и ждал революционного взрыва.

Около Чернышевского был небольшой кружок людей, которым он доверял, разделял с ними свои революционные настроения, уважал в них ум и энергическую решимость. Кроме Добролюбова, такими людьми были: поэт Михайлов, бывший университетский товарищ Чернышевского, напеча-

тавший в Лондоне прокламацию «К молодому поколению», распространявший ее в Петербурге, в сентябре 1862 года арестованный и приговоренный к 6 годам каторги; Н. А. Серно-Соловьевич, один из основателей общества «Земля и Воля», арестованный 7 июля 1862 года (одновременно с Чернышевским) по делу о сношениях с лондонскими пропагандистами и в 1865 году приговоренный к ссылке на поселение в Сибирь; А. А. Серно-Соловьевич, настроенный более революционно, чем его брат Николай; Н. В. Шелгунов, принимавший большое участие в составлении прокламаций «К молодому поколению», «К солдатам» и обсуждавший совместно с Чернышевским прокламации «К барским крестьянам», «К старообрядцам»; В. Обручев, привлекавшийся III отделением по тому же делу, как и Михайлов; С. Сераковский, участвовавший в создании революционной организации среди петербургских офицеров, принимавший участие в обществе «Земля и Воля», участник польского восстания 1863 года, повешенный диктатором Муравьевым.

Эти люди посещали квартиру Чернышевского, пользовались его особым вниманием, являлись его собеседниками в уединенных разговорах в кабинете. С ними он, несомненно, совместно обсуждал и выработывал планы действий и мероприятий, тексты прокламаций и пр.

Н. В. Шелгунов свидетельствует, что прокламация «К барским крестьянам» была написана непосредственно самим Чернышевским. Из всех прокламаций того времени эта прокламация выделяется выдающимися качествами мастерства изложения, умелостью подхода к массовому читателю из народа, основательностью знания материала и силую непреклонной убежденности.

Прокламация сжато и ярко характеризует пагубность «Положения 19 февраля» для крестьянства, рисует перспективу новой кабалы, в какой окажутся крестьяне при выполнении этого «Положения». Характеристика заканчивается выводом: «Просто сказать, всех в нищие поворотят помещики по царскому указу... Не к воле, а к тому оно идет, чтобы в вечную кабалу вас помещики взяли, да еще в такую кабалу, которая гораздо и гораздо хуже нынешней».

Прокламация разъясняет, что при самодержавии настоящей воли не может быть, что необходимо участие самого народа в управлении страной. Ставя вопрос о том, как добиться настоящей воли, прокламация говорит об обязательности ниспровержения существующей власти силами восстания самих крестьян. «Можно это дело обработать, и не то, чтоб очень трудно было, надо только единодушные иметь между собою мужикам, да сноровку иметь, да силой запастись». Крестьянам надо готовиться к восстанию. «А когда все готовы будут, значит везде поддержка подготовлена, ну тогда дело начинай...»

Прокламация «К барским крестьянам» была переписана М. И. Михайловым и через посредников была передана В. Костомарову, который оказался предателем. Своими провокаторскими услугами он впоследствии помогал правительству упрятать Чернышевского в Сибирь.

Деятельность Чернышевского не могла не остановить на себе внимание его врагов. В 1861—1862 гг. на журнал «Современник» и в особенности на статьи Чернышевского яростно нападала журнальная реакционная и либеральная публицистика. Катков в «Русском Вестнике», излагая эстетические и философские воззрения Чернышевского, вскрывал присущий им социально-экономический и политический революционный смысл, делая его понятным для цензоров и вообще для властей предрежащих. Он подхватил цитату о Юдифи из статьи Чернышевского о «Письмах» Кэра (см. выше) и приводил ее как доказательство явного призыва к революционному действию. Стараясь всячески дискредитировать направление «Современника», он в нескольких статьях демагогически характеризовал этот журнал как шайку «свистунов», «шарлатанов», «шутов» и «самолюбивых фанатиков», разлагающих жизнь вредной отравой.

Тот же смысл имели нападки и со стороны «Отечественных Записок».

Чернышевский отвечал своим врагам в замечательных по полемической едкости статьях «Полемические красоты» (1861, 6 и 7 кн.).

Для Чернышевского самозащита через журнал была почти невозможна: революционная основа его взглядов, конечно, не могла получить полного выражения в журнале. Тем не менее «Полемические красоты» явились сильнейшим отпором против нападавших врагов и еще более возвысили репутацию Чернышевского как неотразимого бойца.

Скоро борьба с Чернышевским пошла по другим инстанциям, перед которыми в самодержавно-помещичьей обстановке он был бессилён. С конца октября 1861 года за Чернышевским было установлено «постоянное наблюдение» со стороны III отделения. В III отделение поступали доносы, требующие полицейских мер пресечения деятельности Чернышевского. Некоторые из них сохранились. Они любопытны, как выражение жестокой ненависти крепостников к защитнику интересов крестьянства. «Что вы делаете? — зывали эти корреспонденты, обращаясь к власти,—пожалейте Россию, пожалейте царя... Неужели не найдете средств спасти их от такого зловредного человека... ежели вы не удалите его, то быть беде, будет кровь, ему нет места в России—езде он опасен... Николая Гавриловича —куда хотите, но скорее отнимите у него возможность действовать. Общество в опасности, сорванцы бездомные на все готовы и вам дремать нельзя; на вас грех падет, коли допустите их до резни, а она будет чуть задремлете или станете довольствоваться полумерами. Выхода другого нет, как Земская дума; бойтесь дворянства, — пошумят только; если потребуют конституции, то путем законным, она не страшна для царя, а эта бешеная шайка жаждет крови, ужасов и пойдет напролом,—не пренебрегайте ею. Избавьте нас от Чернышевского—ради общего спокойствия».

Ненависть к Чернышевскому со стороны властей и помещиков лучше всего характеризует его как борца против самодержавия.

13 июня 1862 года «Современник» был приостановлен властью на 8 месяцев. 7 июля того же года был арестован Чернышевский. Его журнальная деятельность прекратилась навсегда.

VIII

Поводом к аресту Чернышевского была приписка Герцена в письме к Н. А. Серно-Соловьевичу по поводу возможности издания за границей приостановленного правительством «Современника». В приписке говорилось: «Мы готовы издавать «Современник» здесь с Чернышевским или в Женеве. Печатать объявление об этом? Как Вы думаете?» Письмо было отправлено из Лондона в Россию с неким П. А. Ветошниковым, у которого оно было агентами полиции найдено и отобрано при проезде через границу. Этого было достаточно для III отделения, чтобы начать дело по обвинению Чернышевского в связях с революционной эмиграцией.

Арестованный Чернышевский был помещен в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости, где находился в одиночном заключении в течение почти двух лет. После окончания следствия по решению Сената и приказу царя он был отсюда отправлен 20 мая 1864 года в Сибирь на каторгу.

В крепости Чернышевский очень много работал, писал беллетристические произведения, много переводил, сочинял научные компиляции и др. Количество написанного им здесь поражает своими огромными размерами. По общему подсчету в среднем Чернышевский писал каждый месяц свыше девяти с половиной печатных листов (печатный лист — 16 книжных страниц).

Из беллетристических произведений здесь им были написаны роман «Что делать?», повесть «Алферьев», большой роман «Повести в повести» и много мелких рассказов. Тогда же была написана «Автобиография» в двух редакциях. Здесь же переводились XV и XVI томы «Всеобщей истории» Шлоссера, VII и VIII томы «Истории Англии» Маколея, «История XIX века» Гервинуса, «История Соединенных Штатов» Неймана, «Исповедь» Руссо с заметками для его биографии, отрывки из «Записок» Сен-Симона, из «Автобиографии» Беранже, начало книги Крике «Племена и народы». С использованием книги Кинглека составлена обширная история Крымской войны.

Самым значительным из всех этих работ Чернышевского является роман «Что делать?». Роман писался в очень неблагоприятной обстановке в течение четырех месяцев—с 4 декабря 1862 года до 4 апреля 1863 г.

Первое время заключения Чернышевский был уверен, что прямых улик к его обвинению правительство не имеет и после некоторой проволочки вынуждено будет его освободить. Однако, сама обстановка заключения давала себя чувствовать. К началу 63 года Чернышевского стало сильно беспокоить неожиданное промедление с продвижением его дела. В письмах и записках, направляемых к администрации крепости или непосредственно к Следственной комиссии, Чернышевский настойчиво и неоднократно требует объявить ему причины задержки. Ответа никакого не было. 28 января он начал голодовку протеста и продолжал ее в течение 9 дней. Литературная работа, однако не останавливалась. В половине января первые главы романа прошли через Следственную комиссию и были направлены для передачи А. Н. Пыпину, вручившему их в редакцию журнала «Современник». Тем же порядком 12 февраля было послано продолжение. Между тем Чернышевский продолжал борьбу за ускорение его дела, за возможность свидания с женой. 14 февраля он отправляет новое письмо с решительным требованием внимания к своим легальным просьбам и пожеланиям. 23 февраля (через 7 с половиной месяцев после ареста) происходит первое свидание с женой. 27 февраля отправляется письмо с требованием обещанного нового свидания. 4 марта напоминание вновь повторяется. В письме к коменданту крепости А. Ф. Сорокину от 7 марта Чернышевский угрожает новой голодовкой.

Между тем Следственная комиссия переживала большие затруднения по отысканию улик для обвинения важного узника. Не из чего было даже составить вопросные пункты к допросу. Первый допрос был снят с Чернышевского 30 октября 1862 года (четыре месяца спустя после ареста). В первых месяцах 1863 года комиссия прибегла к помощи провокатора Всеволода Костомарова. При его содействии были составлены фальшивые «документы», долженствовав-

шие свидетельствовать об участии Чернышевского в революционном заговоре. 16 марта 1863 года при новом допросе Следственная комиссия уже располагала этими «документами», а также и личными наговорами самого Костомарова. Теперь Чернышевский видел, что власти будут добиваться его обвинения во что бы то ни стало. Понимая, сколь опасно его положение, Чернышевский все же с большим самообладанием продолжал начатые литературные работы. 26 марта в комиссию была прислана 4-я глава «Что делать?», 28 марта следовало продолжение ее, 30—окончание 4-й главы и начало 5-й, 6 апреля получено было уже окончание всего романа.

По оплошности и невежеству цензурные блюстители не могли сразу разобраться в революционном содержании романа, и роман был допущен к печати. Скоро власти спохватились, но было уже поздно, роман был напечатан («Современник», 1863 г., кн. 3, 4 и 5).

Роман «Что делать?» замечателен правдивым воспроизведением общественного конфликта между людьми старого отживающего мира и людьми новыми, выходящими из демократических кругов, сторонниками нового материалистического и революционного отношения к жизни. В образах Лопухова, Кирсанова, Веры Павловны Розальской и Рахметова Чернышевский дал типы передовых людей 60-х годов, разрушителей старых порядков и строителей нового, тогда еще далекого социалистического будущего. Роман защищал требование уважения человека к человеку, пропагандировал право всякого человека на свободный труд и счастье, поднимал достоинство женской личности, по-новому ставил вопросы любви и брака, включая все эти проблемы в перспективу общих требований коренного общественного переустройства на основах полного равенства между людьми. Социальным идеалом Чернышевского был социалистический строй. Несмотря на стеснения угрожающей цензуры, Чернышевский сумел горячо выдвинуть обаяние этого идеала и поставить его, как цель всей деятельности всякого передового человека своего времени.

В образах Марьи Алексевны Розальской, ее мужа,

Михаила Сторешникова и его матери, его приятеля Соловцева и отчасти Сержа и Жюли даны представители старого отживающего мира. Здесь в отношении к человеку господствуют низменные корыстные побуждения. Мать смотрит на дочь, как на источник дохода, мужчина — на женщину, как на вещь, способную угодить его тщеславию и похоти. Здесь нет понимания другой личности. Деспотические отношения не допускают ни искренности чувства, ни доверия, ни взаимного уважения, — ничего того, что радостно озаряет светлые чувства дружбы и любви. Демократу Чернышевскому особенно ненавистен мир барской праздности, жизни за чужой счет, отсутствия всякого труда. Здесь моральная нечистота получает особо отвратительные формы (Сторешников, Соловьев).

Совсем иначе осмысливается Чернышевским неправда и грязь жизни Марьи Алексевны, женщины, вынужденной всю жизнь быть в постоянном страхе, как бы не лишиться самых первых и необходимых средств к существованию. Она «злая», но ей «нельзя не быть злой», к этому приводила ее вся обстановка постоянной нужды, общая атмосфера лжи, обмана и насилия, вынуждавшая ее прибегать к бесчестным средствам в погоне за материальным достатком. Если в жизни богачей совсем нет здоровых элементов, то у Марьи Алексевны сохраняются здоровые начала, хотя и подвергшиеся извращению в силу той грязной обстановки, в какой протекала ее жизнь. Она трудилась по-своему, заботилась о куске хлеба, боролась за сносные условия жизни. Благодаря этому и могла от нее и около нее вырасти хорошая дочь Вера Павловна.

В противоположность лжи и гнили старого мира рисуются люди труда, светлых знаний и морального здоровья. Лопухов и Кирсанов «оба рано привыкли пробивать себе дорогу своей грудью», не имея никакой поддержки, оба ценят образованность и науку не из-за корыстно-житейских выгод, а как внутренний светоч, озаряющий жизнь разумом и светом, оба всегда глубоко искренни и честны в общении с людьми. На этих людей можно положиться во всем безусловно.

Рахметов, наиболее замечательный из новых людей, являясь по происхождению помещиком, уходит от своего класса, отдавая себя самого и все свое состояние целиком на служение народу.

Чернышевский понимал, что действительная свобода для женщины может наступить только тогда, когда она получит гражданские права и твердую самостоятельность в трудовой жизни общества. Поэтому он тесно связывает проблему супружеских отношений с проблемой участия женщины в общественной жизни и, рисуя жизнь Веры Павловны замужем, показывает ее в таких сторонах деятельных интересов, когда она живет не только чувством к мужу и мыслями о себе, как о жене, а стремлениями к широкой общественной полезности (организация мастерской и пр.).

Вопрос об эмансипации женской личности, о свободе любви и брака ставился в художественной литературе и раньше (напр., в романах Ж. Санд), но в такой социально-широкой постановке Чернышевский его выдвинул впервые.

Идеал общественной свободы Чернышевским показан в картинах социалистического устройства в 4-м сне Веры Павловны. При всем утопизме отдельных подробностей этих картин их главная основа содержит в себе глубокое понимание источников будущего благополучия человечества. Счастье, довольство и полнота жизни здесь рисуются как результат коллективного труда на основе высокого развития науки и техники, мощными силами которых люди заставляют природу служить своим потребностям. «В этих снах, — говорит Плеханов, — нас привлекает вполне усвоенное Чернышевским сознание того, что социалистический строй может основываться только на широком применении к производству технических сил, развитых буржуазным периодом. В снах Веры Павловны огромные армии труда занимаются производством сообща, переходя из Средней Азии в Россию, из стран жаркого климата в холодные страны. Все это, конечно, можно было вообразить и с помощью Фурье, но что этого не знала русская читающая публика, видно даже из последующей истории так называемого русского социализма. В своих представлениях о социалистиче-

ском обществе наши революционеры нередко доходили до того, что воображали его в виде федерации крестьянских общин, обрабатывающих свои поля той же допотопной сохой, с помощью которой они ковыряли землю еще при Василии Темном. Но само собой разумеется, что такой «социализм» вовсе не может быть признан социализмом. Освобождение пролетариата может совершиться только в силу освобождения человека от «власти земли» и вообще природы. А для этого последнего освобождения безусловно необходимы те армии труда и то широкое применение к производству современных производительных сил, о которых говорил в снах Веры Павловны Чернышевский» (Г. В. Плеханов. Сочинения, т. V, стр. 183).

Процесс подготовки социалистического строя Чернышевским показан путем описания организации швейной мастерской Веры Павловны. Мастерская ведется на основе обобществления производства и потребления. Работницы-девушки «жили в одной большой квартире, имели общий стол, запасались провизией тем порядком, как делается в больших хозяйствах». При возникновении другой подобной мастерской между ними устанавливалось организованное единство как в распределении производственных задач, так и в использовании прибылей. Чернышевский, следовательно, правильно исходил из принципа выгоды и плодотворности наибольшего обобществления, но в самом указании возможностей внедрения социалистических форм хозяйства в обстановку капиталистического общественного строя заключался несомненный утопизм. Когда Чернышевский думал, что без предварительного революционного обобществления капиталистического производства, путем одного только кооперирования работников, можно притти к крупному социалистическому хозяйству, то он, безусловно, ошибался. Без пролетарской революции, овладевающей крупным капиталистическим производством, строительство социализма невозможно. Здесь еще раз мы должны припомнить, что Чернышевский жил в отсталой стране и в такую пору, когда революционная роль пролетариата ему была не видна и не ясна.

Тем более надо поставить в заслугу прозорливости Чернышевского, что утопические элементы его воззрений не помешали ему предвидеть неминуемость столкновения социалистических стремлений с российским самодержавием. Чернышевскому было ясно, что всякие мероприятия, направленные к благоустройству масс, вызовут полицейское вмешательство властей. В романе отмечено, что широко развернувшаяся организация Веры Павловны не могла развиваться свободно. Наступил момент, когда явились зловещие предостережения, и размах роста организации пришлось сократить (беседа Кирсанова о замене вывески мастерской и пр.). Готовя роман к подцензурному печатанию, Чернышевский все же сумел указать на необходимость в России революционной борьбы. Как призыв к революционной готовности в романе был дан образ Рахметова.

Намеками, намеренными умолчаниями и недосказанностями, нарочитой подчеркнутостью недомолвок Чернышевский стремился обозначить, что основа исключительности биографии и поведения Рахметова состоит в революционности его стремлений. Отсюда его отказ от богатства для каких-то исключительно высоких целей, отсюда его связи с народом, отсюда настойчивая тренировка в перенесении лишений и физических страданий, отсюда же и возвеличивающий пафос автора, когда люди, подобные Рахметову, ставятся неизмеримо выше всех других положительных лиц романа. «Важна масса честных и добрых людей, а таких людей мало, но они в ней теин в чаю, букет в благородном вине, от них ее сила и аромат, это цвет лучших людей, это двигатели двигателей, это соль соли земли».

Конец романа скомпанован как сплошной намек на скорую победу революции и радость ее прихода (глава «Перемена декораций»).

Влияние романа было огромно. Роман изучался, обсуждался в кружках, в дружеской беседе, в интимном уединении,—его содержание целиком заполняло сердце многих и отражалось на всем укладе их мыслей и практического поведения. «Мы, — пишет один из современников,—искали в романе программы своей деятельности. Мы читали роман

чуть ли не коленопреклоненно, с таким благочестием, какое не допускает ни малейшей улыбки на уста».

Тогда еще для многих мысль о правах женщины на самостоятельное существование, о выходе ее на общее поле труда, о необходимости ее участия в строительстве общественной жизни была новой и невероятной. Женщина должна была завоевать себе право на труд. «Если ничего не делающие мужчины ощущали иногда угрызения совести и встречали иногда осуждение, то ничего не делающие дамы считались решительно явлением вполне нормальным, совершенно законным» (Н. Страхов. «О женском труде». «Эпоха», 1864, апрель). Роман, развернувший нелепость и позор такого положения, указывал новые пути к его преодолению. «Тысячи дам и девиц пытались открывать отдельные мастерские по программе Чернышевского» (Е. Щепкина. «Из истории женской личности в России». Собр., 1914, стр. 299). Проекты и уставы женских организаций 60-х годов были очень близки к роману и по постановке практических задач и даже по формулировке своих основных исходных принципов.

Одним из ярчайших свидетельств глубокого благотворного революционизирующего воздействия романа является признание рулевого Коммунистического Интернационала Георгия Дмитрова: «Роман «Что делать?» еще 35 лет тому назад оказал на меня лично..... необычайно глубокое, неотразимое влияние. И должен сказать, ни раньше, ни после не было ни одного литературного произведения, которое бы так сильно повлияло на мое революционное воспитание, как роман Чернышевского... И для меня нет никакого сомнения, что именно это благотворное влияние в моей юности очень помогло моему воспитанию как пролетарского революционера, и находило свое выражение в дальнейшем в моей революционной борьбе в Болгарии и на лейпцигском процессе» («Комсомольская правда», 1935 г., 30 мая).

В истории русской литературы роман «Что делать?» является важнейшим этапом в развитии демократического стиля. Роман дает высокий образец сочетания реализма и

революционной романтики. С правдивым изображением современной ему действительности роман соединяет чувство светлого социалистического будущего. При чем это будущее предстает здесь не как мечта, оторванная от текущей жизни, а как начинающийся элемент той же жизни, элемент, ищущий своего развития усилиями лучших и стойких людей.

Вслед за романом «Что делать?» Чернышевским в крепости были написаны: повесть «Алферьев», «Повести в повести» и «Мелкие рассказы».

По общему характеру содержания и по всей манере повествования эти произведения сильно разнятся от романа «Что делать?»

Пока заканчивалась работа над романом «Что делать?» и пока печатались его первые части, Чернышевский не мог не заметить, что трудности в проведении его идей в печати еще более увеличились. По ходу следствия, по характеру допросов и предъявленных обвинений, Чернышевский убедился, с какою тщательной придирчивостью власти стремились проникнуть в его образ мыслей. Кроме того, Чернышевскому, безусловно, скоро стал известен шум, поднявшийся вокруг печатавшегося романа «Что делать?». С этой стороны он также должен был учесть возросшую подозрительность цензурного начальства. Поэтому постановка широких проблем общественного переустройства, какая допускалась в романе «Что делать?», теперь Чернышевскому должна была представляться уже невозможной. Чернышевский должен был сузить круг своих тем. Невозможна была теперь и прежняя открытая беседа автора с читателями, как это было в романе «Что делать?» Авторские мнения надо было прятать еще глубже, направляющая тенденция должна была проходить еще незаметней.

Такая сдержанность проявляется уже в «Алферьеве» и в еще большей степени в «Повести в повести» и в «Мелких рассказах». Чернышевский здесь почти исключительно сосредоточивается на вопросах частного быта и больше всего на обсуждении семейно-брачных отношений. По-прежнему выдвигая тип «нового человека», носителя разумных

идей, Чернышевский теперь показывает его уже не в сфере общественной деятельности, не в области философских и социальных взглядов, а больше всего со стороны его отношений к женщине. Только путем единичных, беглых, как бы случайных, указаний Чернышевский дает понять читателю, что его ведущие положительные герои являются материалистами и революционерами (Алферьев и Сырнев).

В конечных планах Чернышевского «Повести в повести», «Алферьев» и «Мелкие рассказы» должны были составить собою одно очень большое произведение, но работа осталась незаконченной, и Чернышевский счел возможным рассматривать каждую из этих вещей, как отдельное целое.

В идейной проблематике все эти произведения очень тесно связаны между собою. В них Чернышевский ратует за освобождение человека от всяческих предрассудков, от умственной слепоты, от темных привычек, от ненужных самоограничений.

«Автобиография», которая Чернышевским писалась тоже в эту пору, в значительной части, очевидно, предназначалась им для того же общего художественного целого, в состав которого должны были входить и все предыдущие вещи («Повесть в повести», «Алферьев», «Мелкие рассказы»). На это имеются авторские указания на страницах «Повестей в повести». Во всех эпизодах сокращенной редакции «Автобиографии», которая должна была составить одну из глав «Повестей в повести», речь идет о невзгодах, серости, а иногда даже и преступности в жизни людей, самих по себе, по задаткам своим, безусловно, хороших, добрых, рассудительных, обладающих большой энергией воли и не склонных к злumu, но лишенных разумного просвещения и должного свободного понимания вещей. Повествование сосредоточивается, с одной стороны, на показе натуральной, присущей этим людям моральной чуткости, честности, трезвого жизненного здравомыслия, а с другой стороны, на обнаружении их слепоты, отягощающей жизнь множеством нелепых страхов, забот, напрасных пустых ожиданий, несообразных представлений и поступков, ведущих к ненужным огорчениям и напрасным бедствиям.

Лишенный возможности прямого выражения своих демократических идей, оторванный от читателя, преследуемый враждебной подозрительностью властей, Чернышевский все же надеялся, что в завалуированной беллетристической форме ему удастся осуществить свое жизненное призвание защитника народа и сеятеля разумного знания. Под видом невинных рассказов, далеких от общественной борьбы, он разъяснял идеи материалистической свободы, призывая читателей к практическому переустройству и устранению старого рутинного быта, к замене его рабских традиционных привычек новыми свободными формами.

Эти ожидания и надежды оказались напрасными. После напечатания романа «Что делать?» Чернышевскому печатать ничего уже не разрешалось. Все эти произведения, попадая в руки жандармерии, уже не получали никакого движения и были надолго похоронены в канцелярских папках архива III отделения. Часть повести «Алферьев» случайно оказалась в руках А. Н. Пыпина, но и ее стало возможно напечатать только после революции 1905 года в X томе полного собрания сочинений Чернышевского (1906 г.). Все остальное продолжало лежать в архиве III отделения вплоть до Октябрьской революции и издано было сравнительно недавно («Повести в повести» в 1930 г., «Мелкие рассказы» по частям в 1926 и 1928 гг., «Алферьев» полностью в 1932 г.).

IX

В мае 1863 г. дело Чернышевского Следственной комиссией было закончено и передано в Сенат. Здесь на основе показаний и рукописных фальшивок провокатора В. Костомарова и другого подкупленного проходимца Яковлева с присоединением к этому всяких соображений о вредности взглядов Чернышевского, выраженных им в журнальной (подцензурной) печати — устанавливалась виновность Чернышевского в составлении воззвания к барским крестьянам, в намерении его напечатать, в подготовке крестьянского восстания и в распространении вредных материалистических и социалистических идей. Приговором Сената (7 февраля 1864 г.) Чернышевский присуждался к 14 годам

каторжной работы и затем к поселению в Сибири навсегда. Приговор Сената, получив утверждение Государственного Совета, был представлен царю. 7 апреля 1864 г. приговор был царем утвержден с уменьшением срока каторги до 7 лет и 4 мая был объявлен Чернышевскому. 19 мая 1864 г. над Чернышевским был публично совершен обряд гражданской казни, состоявший в выставлении на площади к позорному столбу с преломлением шпаги над головой.

Несмотря на все полицейско-охранительные меры, какие были приняты властями в предупреждение сочувственных к Чернышевскому демонстраций, все же любовь к Чернышевскому—защитнику народа и ненависть к царизму нашли свое выражение во время этой процедуры.

Вот как рассказывает об этой церемонии ее очевидец (см. воспоминания В. К. Гейнса и А. Тверитинова). (Извлечения из воспоминаний В. К. Гейнса и А. Тверитинова цитируются по книге Ю. Стеклова «Н. Г. Чернышевский», т. II, Гиз, 1928 г., стр. 483—485).

«К назначенному часу на Мытнинской (Конной) площади, где должна была происходить казнь, собралась масса публики. Пришлось долго ждать. Но вот раздалась команда: «Смирно!»—и вслед за тем карета, окруженная жандармами с саблями наголо, подъехала к солдатам... Толпа ринулась к карете, раздались крики «назад». Жандармы начали теснить народ. Вслед затем три человека пошли быстро по линии солдат к эстраде: это был Чернышевский и два палача... Все замерло. На эстраду взошел какой-то полицейский, командовал солдатам «на караул». Палач снял с Чернышевского фуражку, и затем началось чтение приговора. Чтение продолжалось около четверти часа. Никто его не мог слышать. Сам же Чернышевский, знаящий его еще прежде, менее чем всякий другой, интересовался им. Он, повидимому, искал кого-то, непрерывно обводя глазами всю толпу, потом кивнул в какую-то сторону раза три. Наконец, чтение кончилось. Палачи опустили Чернышевского на колени. Сломали над головою саблю и затем взяли его руки в цепи, прикрепленные к столбу...

В толпе было мертвое молчание...

В это время на эшафот был брошен букет цветов. Первый букет бросила М. П. Михаэлис, сестра жены Н. В. Шелгунова. Еще было несколько покушений бросить цветы... но все неудачны: цветы перехватывали на лету переодетые сыщики.

По окончании церемонии все ринулись к карете, провалили линию городовых, схвативших друг друга за руки, и только усилиями конных жандармов толпа была отделена от кареты. Но все же кучки людей догнали карету и пошли рядом с ней. Кто-то крикнул «прощай, Чернышевский»; этот крик был поддержан другими и потом сменился еще более колким словом «до свидания». Крик был услышан толпою, находящейся сзади. Все ринулись догонять карету и присоединились к кричавшим... Было скомандовано: «рысью», и вся эта процессия с шумом и грохотом стала удаляться от бегущей толпы... На дороге валялись в грязи множество букетов и венков...

Наиболее активные участники демонстрации (М. П. Михаэлис и др.) подверглись преследованию со стороны властей.

Вся церемония возмутительного шельмования Чернышевского произвела неотразимое впечатление на революционно-настроенную молодежь. Вскоре в № 189 герценовского «Колокола» (за границей) появилась статья, клеймящая позором жандармское издевательство над Чернышевским и призывавшая бойцов против царизма к новому сплочению. «Четверть часа у позорного столба,—писалось здесь—никого не устрасит, никого не победит: она только зовет людей и будит в них энергию, но уже не четверть часовую, а неусыпную, на долгие годы борьбы. Наша скорбь о Чернышевском выше минутной торжествующей насмешки его врагов! Пусть нет у русского юношества его лучшего учителя; но его учение не может пропасть даром! Мы горды дорогим правом звать себя его учениками, воспитанниками его школы; мы горды этим, потому что чувствуем, что можем служить народу хотя сотою долею его служения, и наше служение не будет бесплодно,—им руководят та искренняя любовь и то истинное уважение, которым он

учил и с которым он относился к народу и молодому поколению, платившему ему горячим возвратом тех же чувств».

20 мая 1864 года Чернышевский был увезен в Сибирь. 2 июля Чернышевского доставили в Иркутск, где он был поставлен в каторжные работы на Иркутский солеварный завод. 23 июля Чернышевский был отправлен в Нерчинск в рудники и поселен в поселке Кадая, в небольшом домике, насквозь промерзавшем в зимние сибирские морозы. Чернышевский твердо переносил все лишения в поездке и во всей суровой неблагоустроенности ссыльного каторжника. Летом 1866 года к нему в Кадаю приезжала на свидание жена с 8-летним сыном Михаилом. С той поры до освобождения из Сибири (1883 г.) они уже не виделись.

Вскоре после отъезда жены Чернышевский был переведен на Александровский завод, в 80 верстах от Кадаи. Здесь Чернышевский жил до 1870 года. В том же 1866 году, когда было узвано, что каракозовцы имели в виду освободить Чернышевского как своего вождя, надзор за ним был усилен. В июне 1867 года с окончанием «срока испытваемости» Чернышевский был освобожден из острога с разрешением жить на вольной квартире. Это «вольное» пребывание, однако, продолжалось очень недолго. В августе этого же года, вследствие побега ссыльного А. А. Красовского, Чернышевского переводят обратно в тюрьму.

10 августа 1870 года оканчивался срок тюремного заключения Чернышевского. По докладу генерал-губернатора Восточной Сибири М. С. Корсакова и шефа жандармов П. А. Шувалова царем Александром II было признано опасным освобождение Чернышевского из тюремного замка, и вскоре решением комитета министров было предложено «продолжить временно заключение Чернышевского в тюрьме», а пока «приступить к изысканию мер к обращению сего преступника, согласно закону, в разряд ссыльно-поселенцев в такой местности и при таких условиях, которые бы устранили всякое опасение насчет побега и ...сделали бы невозможным новые со стороны молодежи увлечения к его освобождению». По предложению генерал-губернатора

Корсакова 28 октября 1870 года было решено послать Чернышевского в Вилюйск Якутской области, поместив его в тюрьме под неослабным надзором.

К концу того же 1870 и к началу 1871 года относится первая активная попытка освободить Чернышевского, сделанная Г. Лопатиным. Под видом члена Географического общества Лопатин пробрался до Иркутска и уже собирал сведения о состоянии Чернышевского, но по шпионскому доносу был в начале февраля 1871 года арестован.

7 декабря 1871 года Чернышевский из Александровского завода был отправлен в Вилюйск. По прибытии туда в январе 1872 года Чернышевский был причислен к Чучейскому наслегу Верхневилуйского улуса, где и оставался до отправления в Астрахань 2 сентября 1883 года.

В эти годы пребывания в Сибири Чернышевский очень много писал. Первое время Чернышевский был уверен, что его оторванность от жизни будет непродолжительной. Он надеялся на скорую возможность получить разрешение печататься. Эти ожидания особенно крепки и оживлялись с приближением момента окончания положенного приговором срока, который должен был наступить 10 августа 1870 года. Чернышевский надеялся, что ему скоро можно будет жить ближе к России, может быть в Иркутске или Красноярске.

В письмах к жене в объяснении мотивов своих постоянных литературных занятий Чернышевский в эту пору выдвигал преимущественно соображения о заработке. Но, конечно, о возможности печататься Чернышевский думал не только ради устранения материальных забот о жене и детях. Он, безусловно, надеялся вновь включиться в общественную борьбу. Он знал, что его деятельность нужна родине, и готовился вновь взять литературное оружие и опять стать вождем в деле подготовки русской революции, в неизбежности которой он и тогда был уверен. С этой стороны он даже переживаемую катастрофу в своей личной судьбе склонен был рассматривать как могущественное приобретение, увеличивающее силу его революционного авторитета. «А что касается лично до меня,— пишет он в

одном из писем жене,—я сам не умею разобрать, согласился ли бы я вычеркнуть из моей судьбы этот переворот, который подвергнул тебя на целые девять лет в огорчения и лишения. За тебя я жалею, что было так. За себя самого, совершенно доволен. А думая о других,—об этих десятках миллионов нищих, я радуюсь тому, что без моей воли и заслуги придано больше прежнего силы и авторитетности моему голосу, который зазвучит же когда-нибудь в защиту их» (Письмо 12 января 1871 г. Там же, стр. 23).

В связи с событиями в Западной Европе, Чернышевский в конце 1870 и начале 1871 года ждал для России новой войны, за которой должна была последовать революция. «И теперь легко предвидеть,—писал Чернышевский жене,—что будет в России через два, три года,—или через год?— вот этого только я еще не вижу отсюда: будет ли отсрочка хоть на три или хоть на два года столкновению России с Западной Европой,—или оно уже началось. Бедный русский народ, тяжело придется ему в этом столкновении. Но результат будет полезен для него. И тогда, мой друг, понадобится ему правда. Я уже не молод, мой друг, но помни: наша с тобою жизнь еще впереди» (там же, стр. 24).

Конечно, такого рода непосредственная революционная деятельность Чернышевскому представлялась пока проблематически, где-то еще далеко впереди, но, несомненно, добиваясь возможности печататься теперь же, при данных царских условиях, Чернышевский стремился к осуществлению своего общественного призвания, поскольку позволили бы существующие политические условия. Перед ним стояла прежняя задача вести подготовку революции, распространять через литературу новые идеи, которые вели бы к освобождению человеческой личности от предрассудков и укрепляли бы в массах способность бороться за осуществление своих жизненных прав и стремлений.

Конечно, Чернышевский учитывал, сколь строга будет к нему цензура в том случае, если бы он получил право печататься. Поэтому он старался выбрать, по крайней мере, по внешности самые «невинные» темы, преимущественно из области частно-бытовых отношений, интересуясь главным

образом положением и ролью женщины в семье и обществе. Однако, многие беллетристические произведения этого периода касались открыто или замаскированно вопросов политической жизни России.

В период пребывания на Александровском заводе были поводы к непосредственному применению беллетристического таланта Чернышевского в среде его товарищей по заключению. Из среды революционных деятелей товарищами Чернышевского по ссылке в Александровский завод были: М. Д. Муравский, П. Д. Баллод, Д. Т. Степанов, И. Г. Жуков, В. С. Кувязев, Н. В. Васильев, Н. Н. Волков, А. А. Красовский, Н. П. Странден, Д. А. Юрасов, М. Н. Загибалов, П. Д. Ермолов, В. Н. Шаганов, П. Ф. Николаев, С. Т. Стахевич. Общаясь с ними, Чернышевский часто развлекал их беллетристическими рассказами, читая из того, что им было в ту пору написано, или устно импровизируя что-либо на данный случай беседы. Кроме того, Чернышевский импровизировал и писал пьесы для их домашнего театра. «Писать для Николая Гавриловича,—вспоминал Николаев,—значило то же, что для рыбы плавать, для птицы летать, писать для него—значило жить. В последующее время, когда судьба разбросала нас в разные стороны, когда Николай Гаврилович жил уже на Вилюе, он писал затем только, чтобы все написанное немедленно сжигать, и, однако, он все-таки писал. Судите же, как усердно он должен был писать в то время, когда у него была внимательная публика, всегда заинтересованная, всегда готовая его слушать. Особенно продуктивностью отличался он в первые три зимы, когда у нас устраивались домашние спектакли».

«Зимние вечера так долги, так унылы, так однообразны. Сидят, сидят люди, клеят гильзы, починиваются... Наконец все переработано, все перечитано. А интеллигентская привычка поздно ложиться остается, несмотря на то, что приходится вставать довольно рано». Тогда Чернышевский рассказывал. «Ровно шла его речь, без перерывов развивалась интрига, часто довольно сложная, появилась сеть лиц, часто тонко задуманных, излагался психологический анализ, иногда довольно сложный. И все это без обдумывания.

без приготовления, прямо с первого абзаца, посредством какого-то необыкновенного вдохновения. Это были какие-то вдохновенные импровизации, которые слушались так, как читается роман, над которым автор не мало посидел и поработал» (П. Н. Колаев. «Личные воспоминания о пребывании Н. Г. Чернышевского в каторге», М., 1906, стр. 24, 25 и 29).

Многие повести и пьесы, написанные здесь, Чернышевский вскоре отправил с «оказией» в Петербург родным для печати. «В ожидании переезда,—писал тогда Чернышевский,—я перестал писать повести, которые изобретаю: при переезде чем меньше бумаг, тем лучше. И без новых прежние достаточны для наполнения десятков книжек журналов. Чтобы оставить при себе несколько поменьше, посылаю тебе пачку, из которых кое-что может быть удобно для напечатания» (Письмо от 12 января 1871 года. «Чернышевский в Сибири», вып. 1, стр. 25).

В этой пачке были присланы следующие произведения: 1) «Пролог пролога». 2) «Дневник Левицкого». 3) «Тихий голос. История одной девушки». 4) «Другим нельзя. Драма без развязки». 5) «Потомок Барбаруссы», три первые главы. 6) «Кормило кормчему». 7) «Знамение на кровле». 8) «Великодушный муж». 9) «Мастерица варить кашу». Номера 4, 5, 6 и 7 названы «Эпизодами из книги Эрато», номера 6 и 7, кроме того, имеют подзаголовок «Из чтений в Белом зале».

Кроме того, непосредственно для М. М. Стасюлевича при особом письме к нему к печатанию в «Вестнике Европы» направлялись: «Гимн Деве Неба», начало «Академии Лазурных гор» и стихотворение «Из Видвесты».

Безусловно, это было далеко не все, что тогда у Чернышевского имелось.

Все отосланное в этой пачке дошло по назначению, но в свое время не получило опубликования и было напечатано лишь в 1906 году в первой части X тома «Собрания сочинений Чернышевского». Лишь «Гимн Деве Неба» был раньше напечатан—в астраханский период жизни Чернышевского в «Русской мысли» № 7, 1885 г.

Все оставшееся на руках Чернышевского, повидимому, погибло или при переезде в Виллюйск или впоследствии

при многочисленных обысках. О некоторых из этих утраченных произведений Чернышевского сохранились сведения в воспоминаниях его товарищей по заключению.

Из всех этих произведений наиболее значительным является роман «Пролог», который среди всего написанного Чернышевским в Сибири занимает совершенно исключительное место. Если во всех других произведениях этого времени Чернышевский сознательно избегал явной постановки проблем общественной борьбы и революции, то здесь он еще раз вводит читателя романа в круг самых дорогих для него интересов, связанных с наиболее острыми вопросами революционной программы и тактики.

Из сопроводительного письма Чернышевского, при котором посылался роман в Петербург, известно, что Чернышевский предполагал его печатать за границей, на французском или английском языке, и лишь потом счел возможным, при условии некоторых переделок, печатать его в России. Очевидно, при таком расчете у Чернышевского при написании «Пролога» не было прежних цензурных опасений. Революционные взгляды Чернышевского здесь получили наиболее откровенное выражение не только сравнительно с произведениями, написанными в крепости или в Сибири, но и рядом со всеми его трудами, написанными до его ареста. В этом состоит исключительная ценность романа. В. И. Ленин в характеристиках революционной позиции Чернышевского в борьбе около реформы 1861 года оперирует преимущественно высказываниями и материалами этого романа.

Роман «Пролог» свидетельствует, что Чернышевский в Сибири продолжал жить в кругу тех общественных интересов и событий, которым он отдавался и раньше. Он пересматривает создавшееся соотношение общественных сил, пытается заглянуть в судьбы дальнейшей борьбы и ответить на вопрос о том, какой путь должны взять и возьмут те лучшие люди, которые отдали себя служению интересам угнетенных трудящихся масс.

В основу романа легло главное противоречие, в каком оказался революционный деятель того времени. Ясное

понимание необходимости крестьянской революции в России и сознание отсутствия революционных возможностей в массах, как главного условия для успеха революции,— вот то противоречие, на котором была сосредоточена мысль Чернышевского. Чернышевский был носителем, по словам Ленина,—«... настоящей любви к родине, любви тоскующей вследствие отсутствия революционности в массах великорусского населения» (В. И. Ленин, т. XVIII, стр. 81).

В чем должно состоять дело лучшего человека при данных исторических обстоятельствах? Путь реформ Чернышевский отвергает, потому что он понимает лицемерие этих реформ, их бесплодность для подлинного улучшения положения трудящихся. Путь революции оказывается пока неосуществимым, закрытым, преждевременным, в силу инертности и неподготовленности масс. Что делать? Чернышевский высказывается за революционное дело. Образы Волгина и Левицкого воплощают логический ход разрешения этого вопроса.

В Волгине фиксируется преимущественно то, что связано с холодным знанием, с трезвым опытом, с логикой благоразумия. Волгин—«мыслитель», «ученый» (как всюду называет его автор). Его знания и мысль разоблачают фальшь и ложь одних и одновременно сдерживают благородный, но наивный энтузиазм других. В Левицком благоразумие осложняется чувством. Его образ включает в себя и способность ясного, разумного понимания, и большую горячность моральной непосредственной требовательности.

Круг мыслей и сомнений Волгина, его разумные доводы, ведущие к революции, но исполненные сдержанности, завершаются непосредственным порывом активности Левицкого. В этом синтезе заключена решающая позиция автора. Волгин—это Чернышевский, но не весь Чернышевский, и не столько Чернышевский 1857 года, к которому приурочены события романа, сколько Чернышевский—автор, т. е. Чернышевский, уже переживший этап борьбы, связанный с реформой 1861 года.

Остальные персонажи романа представляют иные политические течения. Рязанцев выражает дворянский

соглашательский либерализм. Савелов осуществляет маневрирующую позицию правительственного чиновничества. Чаплин является воплощением тупой и жестокой реакции. Особое место занимает Соколовский, давая собою образ революционного борца, пламенного и самоотверженного, но пока еще не в достаточной степени учитывающего всю глубину создавшейся обстановки и тем самым отличающегося от Волгина и Левицкого.

Исторический реализм и документальность романа подчеркиваются тем обстоятельством, что все его главные персонажи в известной мере воспроизводят качества и поведение определенных исторических лиц. Волгин — это сам Чернышевский, Левицкий — Добролюбов, Рязанцев ближайшим образом связан с личностью К. Д. Кавелина, Савелов воспроизводит черты Н. А. Милютина, как политического деятеля во время реформ, образ Чаплина близко напоминает графа Муравьева-Вешателя, в лице Соколовского изображен известный революционер С. И. Сераковский. В то же время Чернышевский как художник, исходя в построении этих образов от конкретных личностей, подвергал известный ему материал творческому преобразованию, отбирая, углубляя и воспроизводя лишь те черты, которые составляли их общественно-историческую характерность, и тем самым поднимая свои образы до степени широкой общественной типичности.

Роман «Пролог» по глубине понимания изображенных здесь процессов общественной борьбы представляется явлением совершенно особым во всей русской литературе XIX века. Важность и значительность поставленных проблем, четкость и меткость общественно-политических характеристик, живая правдивость образов, сила проникновения в коренные начала сталкивающихся общественных противоречий, — ставят роман на уровень исключительно высокий.

Первая часть романа «Пролог» — «Пролог пролога» — впервые была напечатана П. Л. Лавровым в Лондоне в 1877 году по копии, сделанной с рукописи Чернышевского революционером М. Д. Муравским, содержащимся тогда вместе с Чернышевским на Александровском заводе.

Копия Муравского была доставлена за границу революционером Г. Лопатиным.

Как уже было сказано, в январе 1872 года Чернышевский из Александровского завода был доставлен в Вилюйск. В Вилюйске обстановка была иная. Около Чернышевского, кроме приставленных к нему двух урядников и одного жандармского унтер-офицера, никого не было. Жизнь проходила уже совсем одиноко. Из проезжавших к Чернышевскому мало кого допускали. Администрация все более и более пугалась возможности бегства важного узника и «принимала меры».

В половине февраля 1875 года Чернышевский, официальным путем, через якутского губернатора, отправил Стасюлевичу поэму «Гимн Деве Неба», надеясь, что она, в силу далекости от всякой современности, не встретит препятствий к напечатанию.

Посылаемые произведения не доходили ни до Стасюлевича, ни до Пыпина, все они оставались в III отделении.

Некоторые следы того, что Чернышевский писал в эти годы, остались в виде результатов тех полицейских обысков, каким в Вилюйске он подвергался неоднократно. 30 декабря 1873 года обыск у Чернышевского был произведен полковником Купенковым по поручению генерал-губернатора Восточной Сибири Синельникова, получившего анонимное письмо с сообщением об имеющемся будто бы намерении Лопатина, Утина и Бакунина освободить Чернышевского. В одном из дел Департамента государственной полиции о Чернышевском сохранились копии нескольких литературных отрывков, отобранных при обыске. Здесь имеются несколько вариантов «Очерков содержания всеобщей истории человечества», отрывок под заглавием «Рассказы А. М. Левицкого. Рассказ первый. В гостиной, за чайным столом», отрывок без заглавия, начинающийся словами: «Очаровательны любимицы вечно весеннего солнца» и текст «Гимна Деве Неба».

К 1875 г. относится очень смелая попытка И. Мышкина освободить Чернышевского. Пользуясь поддельными документами, Мышкин в костюме жандармского офицера, от

имени Иркутского жандармского управления предъявил требование передать ему заключенного Чернышевского для перевода в Благовещенск. По оплошности Мышкин надел аксельбант на левое плечо вместо правого, что было сейчас же замечено. Но и без того попытка его была обречена на неудачу, так как он вызвал к себе подозрение еще в дороге и охрана уже была предупреждена.

После этой попытки у Чернышевского опять был произведен обыск. В записной книжке А. Н. Пыпина об этом имеется запись: «Конечно, ничего не было найдено, кроме стихотворения — «К Деве Неба» в нескольких, им переписанных, экземплярах. Кроме того задержано было одно письмо ко мне, и отличавшееся от других именно смелостью и резкостью тона. В письме было также стихотворение, где описывалась борьба каких-то мифологических царей — с местными словами и множеством примечаний, объяснявших эти местные слова и всякие другие подробности. Стихотворение это назначалось для печати» («Чернышевский в Сибири», вып. 2, стр. 217, примечание).

В письме к жене 21 июня 1876 года Чернышевский пишет, что он и теперь продолжает писать «сказки», хотя уже с меньшей настойчивостью, чем прежде. Количество написанного было огромно. Сохранять написанное Чернышевский не считал возможным.

«...За Байкалом я тоже исписывал очень много бумаги, почти каждый день без пропуска. И со мною жили товарищи, читавшие мои сказки (то были почти все только сказки); некоторые были хорошие; но время шло, содержание их ветшало, я бросал в печь одну за другою»... «Здесь — иногда я принимаюсь писать сказки; но не долгие периоды, а месяца два, много три; а между ними сначала полугоды, а после и целый год, а вот, напоследок и года полтора, я полагаю, — такого времени, что я не имел охоты писать для бросания в печь» (там же, стр. 38). О том же Чернышевский писал 14 августа 1877 года А. Н. Пыпину: «И когда бы можно было печатать, что пишу, тебе можно было бы отдыхать. Я пишу все романы. Десятки их написаны мною. Пишу и рву: беречь рукописи не нужно: остав-

ся в памяти все, что раз было написано. И как я услышу от тебя, что могу печатать, буду посылать листов по двадцати печатного счета в месяц» (там же, стр. 199).

Из всего этого обилия напрасно потраченного труда уцелели и дошли до нас лишь две части романа «Отблески сияния». Все остальное погибло.

В «Отблесках сияния» основной темой является вопрос о положении женщины, о тех предрассудках, какими она была связана в прошлом, и о тех возможностях, какие должны быть даны для свободного проявления ее личности. Роман остался незаконченным (Роман «Отблески сияния» впервые печатается в XIII томе нового Полного собрания сочинений Н. Г. Чернышевского, изд. ГИХЛ).

Все свои страдания в плену у царской власти, находясь в течение долгих лет то в одиночном заключении в каземате Петропавловской крепости, то в далекой и глухой сибирской ссылке, лишенный всякого общения с людьми, близкими ему по духу, оторванный от любимого труда и от всякого участия в общественной жизни, предоставленный полному и беспросветному одиночеству, в самых скудных материальных условиях, непрерывно подрывавших физические силы, — Чернышевский переносил с непоколебимой твердостью, непреклонным мужеством и несломимым моральным достоинством.

Для властей, вероятно, было заманчиво добиться от него, как от своего врага, проявлений слабости и компромиссной уступчивости, чтобы тем самым компрометировать его героическую личность перед лицом его друзей, поклонников и многочисленных последователей, продолжавших его дело революционной борьбы с царизмом.

По некоторым сведениям, в 1874 году правительством была сделана прямая попытка выманить у Чернышевского компрометирующую его просьбу о прощении и помиловании. Чернышевский остался непреклонным.

В. Кокосов, со слов полковника Винникова, бывшего тогда адъютантом ген.-губ. Восточной Сибири Синельникова, рассказывает, что в 1874 году из Петербурга была получена бумага приблизительно такого содержания: если

Чернышевский подаст прошение о помиловании, то он сможет надеяться на освобождение из Виллюйска, а со временем и на возвращение в Россию. Поэтому Синельников послал в Виллюйск своего адъютанта Винникова, относившегося с уважением к писательской деятельности Чернышевского, с тем, чтобы он привез оттуда положительный документальный ответ в ту или другую сторону. Для отвода глаз на Винникова возложены были некоторые ревизорские обязанности.

Повидавшись с Чернышевским в беседке, устроенной Чернышевским на берегу озера, Винников сначала спросил, нет ли у него претензий, на это Чернышевский по усвоенной им в обращении с начальством манере ответил, что он всем доволен и претензий не имеет. Затем Винников приступил к главному делу. «Я,—рассказывает он,— попросил его сесть, сел и сам рядом, проговорив, что мне нужно еще поговорить с ним по одному важному обстоятельству. Он сел просто, непринужденно, без всякого видимого интереса на сухощавом, бледно-желтоватом лице, поглаживая рукой свою клинообразную бородку, глядя на меня через очки невозмутимо спокойно... Я приступил прямо к делу: «Николай Гаврилович, я послан в Виллюйск со специальным поручением от генерал-губернатора именно к вам... Вот не угодно ли прочесть и дать мне положительный ответ в ту или другую сторону». И я подал ему бумагу. Он молча взял, внимательно прочел и, подержав бумагу в руке может быть с минуту, возвратил мне ее обратно и, привставая на ноги, сказал: «Благодарю. Но видите ли, в чем я должен просить помилования? Это вопрос... Мне кажется, что я сослан только потому, что моя голова и голова шефа жандармов Шувалова устроены на разный манер, а об этом разве можно просить помилования? Благодарю вас за труды... От подачи прошения я положительно отказываюсь»... По правде сказать, я растерялся и, пожалуй, минуты три стоял настоящим болваном. «Так, значит, отказываетесь, Николай Гаврилович?» — «Положительно отказываюсь!» — и он смотрел на меня просто и спокойно. А затем по просьбе Винникова он расписался на бумаге:

«Читал, от подачи прошения отказываюсь. Николай Чернышевский».

Х.

За время почти двадцатилетнего пребывания Чернышевского в Сибири родными Чернышевского несколько раз предпринимались хлопоты об облегчении его участи. Результатов никаких не было. Царь Александр II, питавший к Чернышевскому личную ненависть, был неумолим, все просьбы жестоко отвергались. Только после его смерти, под давлением революционного движения, правительство Александра III стало обнаруживать склонность пойти на уступки. В связи с коронационным торжеством было дано согласие перевести Чернышевского в Европейскую Россию, в том случае, если коронационные торжества не будут сопровождаться никакими покушениями со стороны террористов. В результате этого вынужденного соглашения на прошение сыновей Чернышевского 27 мая 1883 года была положена следующая резолюция: «Государь император изъявил предварительное соизволение на перемещение Чернышевского под надзор полиции в Астрахань, с тем, чтобы по пути следования его не делалось ему каких-либо оваций».

Таким образом, перевод Чернышевского в Астрахань не был его освобождением. Чернышевский попрежнему должен был содержаться под строгим полицейским наблюдением с соответствующими запретами и ограничениями.

В конце августа 1883 года Чернышевский в сопровождении жандармов был вывезен из Вилуйска, еще не зная для какой цели. Только в Иркутске ему было объявлено о направлении в Астрахань. Затем под непрерывной жандармской охраной через Оренбург и Саратов Чернышевский 27 октября был доставлен в Астрахань. В течение всей дороги принимались строгие меры к ограждению Чернышевского от всяких встреч «в предупреждение,—как говорилось в одном из сопроводительных распоряжений,—каких-либо случайностей и возможности сношений с посторонними лицами». Из-за боязни какой-либо демонстрации со стороны публики через Саратов Чернышевский был провезен ночью.

Жандармы боялись, что Чернышевский возобновит революционную деятельность, и первое время следили неотступно за каждым его шагом, тщательно регистрируя всех, кто посещал его на дому. Только 24 января 1887 года особо установленный надзор за Чернышевским был снят и наблюдение за ним было поручено общей сыскной части.

Вернулся Чернышевский из Сибири с сильно расстроенным здоровьем. «Двадцать лет ссылки сильно надломили здоровье Николая Гавриловича,—сообщает один из современников.—Уехал он туда в 1864 году цветущим мужчиной (36 лет), а возвратился в Астрахань уже стариком, с тяжелыми недугами, нажитыми в дебрях северной тайги. Резкая перемена климата—с далекого севера на жаркий юг—и перемена пищи еще более способствовали развитию катарального состояния его желудка» (П. Юдин «Н. Г. Чернышевский в Саратове». Истор. Вестник», 1905 г., № 12, стр. 889—890).

В первое время в Астрахани Чернышевский был настроен очень бодро и увлекался планами большой научной и литературной работы. С заботами о заработке сочетались надежды провести накопившиеся мысли и взгляды в читательскую среду.

Первоначально намерения его направлялись, повидимому, опять к беллетристике. Вскоре после приезда в Астрахань Чернышевский рассказывал сыну Александру первую часть какого-то обширного беллетристического произведения, которое им было написано в Сибири и теперь повторялось «наизусть сплошь целыми страницами» (Лит. наследие Чернышевского, т. III, стр. 5). О каком произведении здесь шла речь, остается неизвестным. 30 октября 1884 года Чернышевский послал А. В. Захарьину поэму «Гимн Деве Неба» (тоже написанную в Сибири) с просьбой «похлопотать о том, чтобы она была напечатана». Одновременно он просит Захарьина выяснить, может ли он со своею подписью или под псевдонимом посылать свои произведения в журналы. При этом Чернышевский сообщал, что, надеясь на решение его вопроса в утвердительном смысле, он «начал писать повесть из английского быта,

которая по своему содержанию не представляла ни малейшего повода к цензурным затруднениям» (Лит. наследие, т. III. стр. 79—80).

27 ноября 1884 года Захарьин извещал Чернышевского, что разрешение печататься в журналах ему дано при условии псевдонима и предварительной цензуры. Поэма «Гимн Деве Неба» вскоре была напечатана в «Русской мысли», № 7, 1885 г. Позднее, в 1888 году, Чернышевский направлял в «Русскую мысль» большую повесть «Вечера у княгини Старобельской». Печатание повести редакцией было отклонено и она оставалась в архиве «Русской мысли» до 1906 года, когда поступила оттуда в распоряжение сына Чернышевского Михаила Николаевича и была им впервые опубликована в X томе полного собрания сочинений Чернышевского.

Постоянной работой Чернышевского в эти годы был перевод многотомной «Всеобщей истории» Вебера. Чернышевским было переведено 11 томов с особыми пятью «приложениями» к ним. Эта работа производилась Чернышевским, главным образом, для заработка, внутренне она мало его интересовала.

С 1887 года, помимо всяких иных работ, Чернышевский очень много занимался подготовкой к печати собранных им обширных материалов к биографии Н. А. Добролюбова. Главная часть этих материалов была им собрана непосредственно после смерти Добролюбова в конце 1861 и начале 1862 года. Небольшая часть их тогда же им была напечатана в первой книге «Современника» за 1862 год. Глубоко ценя память великого критика и своего ближайшего друга, Чернышевский теперь тщательно пересмотрел эти материалы и снабдил их очень ценными собственными примечаниями. Часть этой работы была напечатана при жизни Чернышевского в №№ 1 и 2 «Русской мысли» за 1889 год. Первый том этого труда, целиком приготовленный самим Чернышевским, был напечатан уже после его смерти в 1890 году («Материалы для биографии Н. А. Добролюбова», т. I, Москва, 1890 г.).

Литературная работа Чернышевского тогда не могла

Развернуться так, как он этого хотел бы. Восьмидесятые годы в России были годами глухой реакции. Передовая революционная мысль, раньше в какой-то мере находившая себе печатное выражение, теперь, с закрытием «Отечественных Записок» (1884), совсем не имела печатного органа. Чернышевский вынужден был пользоваться только гостеприимством буржуазного либерализма «Русской мысли». Кроме того, за двадцать лет глухой изоляции, естественно, у Чернышевского утрачена была связь с непосредственным ходом общественной борьбы и состоянием общественной мысли. Войти же в круг новых понятий и овладеть выработавшимися способами интеллектуального обращения, убедительными для публики, Чернышевский, продолжавший оставаться вне непосредственного участия в общественной жизни, тоже не мог.

В июле 1889 года, по ходатайству родных, Чернышевскому было разрешено переехать в его родной город Саратов. Здесь прожил он недолго. В октябре того же года Чернышевский простудился, при общем расстроенном здоровье не вынес болезни и 17 октября (ст. стиля) 1889 года скончался.

XI

Сочинения Чернышевского долго не допускались к печати. Во все долгие годы сибирского заточения власти боялись его влияния. Его имя было запрещено употреблять в печати. То же продолжалось и в те годы, когда Чернышевский жил в Астрахани и в Саратове. Даже тогда, когда разрешили ему печатать, он не имел права под статьями ставить свое имя.

«О Чернышевском долгое время говорилось в печати так, как он говорил некогда о Белинском. За отсутствием собственного имени и его называли то «автором очерков гоголевского периода», то «автором полемических красот», то «переводчиком и комментатором Милля» и т. п. Только по случаю его смерти его собственное имя иногда упоминалось в печати, но непременно с порицанием и хулою. В 1892 году изданы были «Очерки гоголевского периода русской литературы», но цензура не дозволила напечатать, кто

был автором этих очерков, и несведущие в деле читатели только по тому, что очерки были изданы М. Н. Чернышевским, должны были догадаться об авторе их» (М. Н. Антонович. Воспоминания. «Шестидесятые годы». «Академия», 1933, стр. 99).

В таком анонимном издании в 1892—1894 годах появилось четыре тома избранных статей Чернышевского, собранных и изданных его сыном М. Н. Чернышевским. При чем в издание было запрещено включать статьи по политическим и экономическим вопросам, а также и романы «Что делать?» и «Пролог», т. е. такие произведения, которые больше всего создавали революционную популярность Чернышевского. Голько в революцию 1905 года было разрешено печатать произведения Чернышевского на общих основаниях. Кроме изданий отдельных произведений, как роман «Что делать?», статьи по крестьянскому вопросу, роман «Пролог» и др.—тогда же стало выходить полное собрание сочинений Чернышевского, законченное в 1906 году. По существу, конечно, это собрание не является полным. Многие материалы были тогда неизвестны издателю, многие не подлежали печатанию по цензурным условиям, отсутствовало изучение рукописей и корректур самого Чернышевского.

Только после Великой Октябрьской революции начинается свободная, широкая и полная публикация текстов Чернышевского. Все, что запрещалось, все, что находилось под спудом в канцелярских архивах, все, что замалчивалось врагами революционного материализма и социализма, после революции впервые получило выход в широкой печатной публикации. Впервые были изданы произведения Чернышевского, написанные в крепости, впервые стали известны статьи и отдельные купюры, застрявшие в царской цензуре, впервые были открыты и напечатаны огромные материалы, освещающие героическую жизнь великого революционера.

Великие вожди трудящегося человечества, классики научного социализма—Маркс, Энгельс, Ленин высоко ценили деятельность Н. Г. Чернышевского, как крупнейшего революционера-демократа, непреклонного борца против самодержавия и капитализма, оригинального мыслителя,

разоблачавшего ложь и гнилость буржуазных псевдонаучных теорий, отдававшего всю свою жизнь борьбе за интересы широчайших народных масс.

Маркс внимательно читал и штудировал примечания Чернышевского к «Основаниям политической экономии» Д. С. Милля. Экземпляр этой работы Чернышевского, бывший в руках Маркса, испещрен его одобрительными и благожелательными замечаниями. В послесловии ко 2-му изданию «Капитала» Маркс назвал Чернышевского «великим русским ученым и критиком», поставив ему в особую заслугу выяснение «банкротства «буржуазной» политической экономии» (Маркс и Энгельс. Сочинения, т. XVII, стр. 13).

Интересовался Маркс и другими сочинениями Чернышевского. Маркс признавал огромное революционное значение произведений Чернышевского и всегда содействовал печатанию и распространению их за границей (см. письма Маркса в XXVI томе сочинений Маркса и Энгельса, стр. 66, 87, 122, 306). В целях популяризации Чернышевского в революционных кругах Западной Европы Маркс сам собирался писать статью о его деятельности и революционных взглядах (там же, стр. 315).

Судьба Чернышевского, как пленника царской власти, глубоко возмущала и волновала Маркса. Он собирал сведения о его сибирской жизни, о произведениях, написанных в ссылке, и горячо сочувствовал попытке Лопатина освободить его (см. письмо Н. [Даниэльс] она к Марксу 16--18 января 1873 г. «Летопись марксизма», II (XII), 1930, стр. 56; в письмах Маркса см. письмо Н. Даниэльсону 13/VI, 1871 г., в XXVI томе сочинений Маркса и Энгельса, стр. 122).

Энгельс в 1884 году, подвергая оценке состояние революционной борьбы в России, вспоминает Чернышевского (вместе с Добролюбовым) как начинателя и основоположника серьезной научно-критической школы в теории революционной борьбы. В заслугу Чернышевскому он ставит серьезность его научно-теоретического обоснования революции, в то время, когда революционность его современ-

ников и даже более поздних революционеров в России состояла лишь в эмоциональном мечтательном порыве. «Если некоторые школы,—пишет Энгельс о русских революционерах,—и отличались больше своим революционным пылом, чем научными исследованиями, если были и есть различные блуждания, то, с другой стороны, была и критическая мысль и самоотверженные искания чистой теории, достойные народа, давшего Добролюбова и Чернышевского. Я говорю не только об активных революционных социалистах, но и об исторической и критической школе в русской литературе, которая стоит бесконечно выше всего того, что создано в Германии и Франции официальной исторической наукой» (Письма Энгельса к Е. Паприц 26/VI 1884 г. Маркс и Энгельс. Собр. сочин., т. XXVII, стр. 389). Энгельс же называл Чернышевского и Добролюбова «двумя социалистическими Лессингами» (Соч., т. XV, стр. 235).

Огромная роль Чернышевского в истории революционного движения в России выяснена В. И. Лениным.

Указывая «три поколения, три класса, действовавшие в русской революции», Ленин революционность «второго поколения», т. е. весь этап демократической революционности, ближайшим образом связывал с именем Чернышевского, как ее начинателем и основоположником. «Декабристы,—писал Ленин,—разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию. Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной воли» (В. И. Ленин. «Память Герцена». Соч., т. XV, стр. 468). Чернышевский «сделал громадный шаг вперед против Герцена. Чернышевский был гораздо более последовательным и боевым демократом. От его сочинений веет духом классовой борьбы» (Ленин. «Из прошлого рабочей печати в России». Сочинения, т. XVII, стр. 342).

Идеологию Чернышевского, не умалчивая о ее недостатках, вызванных отсталостью русской жизни, В. И. Ленин всегда характеризовал как вершину достижений материалистической и революционной до-марксистской

мысли в России. Последующее народничество, сравнительно с Чернышевским, не только не подвинуло вперед, но в лице Михайловского и других подобных ему идеологов, скатывавшихся от демократизма к либерализму, разлагало материалистическую и революционную теорию, эклектически разбавляя ее «уступочками идеализму и мистике» (Ленин. «Народники о Михайловском». Сочинения, т. XVII, стр. 224). От Чернышевского «современные народники (народные социалисты, с.-р. и т. п.) отступали назад нередко в погоне за модными реакционными философскими учениями, поддаваясь мишуре якобы «последнего слова» европейской науки и не умея разобрать под этой мишурой той или иной разновидности прислужничества буржуазии, ее предрассудкам и буржуазной реакционности» (Ленин. «О значении воинствующего материализма». Сочинения, т. XXVII, стр. 182—183).

В истории русского народа Чернышевский является одним из великих людей, знаменующих справедливую «национальную гордость великороссов», выдвинувших из своей среды «великие образцы борьбы за свободу и за социализм» (Ленин. «О национальной гордости великороссов». Сочинения, т. XVIII, стр. 81).

Об отношении В. И. Ленина к Н. Г. Чернышевскому Н. К. Крупская говорила А. В. Луначарскому: «Вряд ли кого-нибудь Владимир Ильич так любил, — как он любил Чернышевского. Это был человек, к которому он чувствовал какую-то непосредственную близость и уважал его в чрезвычайно высокой мере» (Из статьи А. Луначарского «Этика и эстетика Чернышевского», «Вестник Коммунистической Академии», кн. 25, 1928 г.).

Чернышевский не ошибался, когда говорил, что его жизнь «будет принадлежать истории», что его пример будет воспитывать поколения новых отважных и стойких революционеров. «...Пройдут сотни лет,—писал он жене из крепости,—а наши имена все еще будут милы людям; и будут вспоминать о нас с благодарностью, когда забудут почти всех, кто жил в одно время с нами» (Лит. наследие Чернышевского», т. II, стр. 411).

Советский народ глубоко чтит память великого революционера, горячо разделяя и храня ленинское отношение к нему, как к великому предшественнику русской революционной социал-демократии. В наше время, время Сталинской Конституции, вся Советская страна с гордостью и благодарностью вспоминает виднейшего из тех борцов, которые, по словам самого Чернышевского, «опережая свою эпоху, имели славу предусматривать зарю будущего дня; имели мужество приветствовать его приход» (Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. IV, стр. 228).

То, что для Чернышевского было только «зарей будущего», стало для нас прекрасной действительностью.

В лучах зари, поднявшейся над социалистическим отечеством, имя Чернышевского, возвещавшего ее приход, стало символом революционного бесстрашия, гражданского мужества и патриотизма.